

7571

ГЛѢБЪ СОКОЛОВИЧЪ.

ПОДЪ
„ЖЕЛТО-БЛАКИТНЫМЪ“
ЗНАМЕНЕМЪ.

Историч. картины изъ временъ
существованія такъ зв. „Западно-
украинской Народной Республики“.

Ужгородъ 1926.

Издание : Автора.

Типографія Г. Миравчикъ, Раковця ул. № 7.

ЗУНР

06
20
ГЛЪБЪ СОКОЛОВИЧЪ.

43113

ПОДЪ
„ЖЕЛТО-БЛАКИТНЫМЪ“
ЗНАМЕНЕМЪ.

25-2
(Историч. картины изъ временъ
существованія такъ зв. „Западно-
украинской Народной Республики.)

Ужгородъ 1926.
Издание : Автора.

Типографія Г. Миравчикъ ул. Раковци № 7.

T 3(24к 33/60)

Подъ „Желто-блакитнымъ“ знаменемъ.

(Историч. картины изъ временъ существованія такъ зв.
„Западно-украинской Народной Республики“.)

Галицкорусскимъ народомъ проклятая а Богомъ строго наказанная, лоскутная Австро-Вегрія, наконецъ то съ трескомъ и шумомъ распалась... ея тѣломъ поживились сосѣди и тѣ, кто страдалъ и томился подъ тяжелымъ гнетомъ псевдодемократической имперіи, Чехи, Словаки, Сербы, Словинцы сбрасывая съ своихъ окровавленныхъ рукъ тяжелые кандалы неволи и основывая свои свободныя, самостоятельныя, національныя государства, демократическія республики... Всѣ славянскіе народы населяющіе бывшую угнетательницу Австро-Венгрію, стали дышать свободнѣе, стали жить своей народной жизнью, только многострадальная Русь князя Данила и Льва, Русь Червонная, Галицкая, не нашла освобожденія во время ломки стараго деспотизма, не нашла его и несчастная Русь, зеленая Буковина...

Запуганная и одурманенная народными измѣнниками, мазепо-украинцами, Галицкая Русь, вмѣсто сказать свое рѣшительное слово — „хотимъ быть едино, какъ Богъ насъ создалъ“ — и присоединиться къ родной, единой матушкѣ Россіи... пошла уступая насилію, подъ новое иго самозванцевъ, „самостійниковъ мазепо-украинцевъ“, и такъ появилась незаконно рожденная „Западно-Украинская Народная Республика“, въ дѣйствительности же, настоящій трабежъ, анархія и власть предательскихъ элементовъ.

Мнѣ, съ болью сердца, волей-неволей, нѣкоторое время пришлось жить подѣ противнымъ, измѣнительнымъ „желто-блакитнымъ“ знаменемъ и смотрѣть на страшныя насилія и беззаконія. Этому смутному времени посвящаю нѣсколько моихъ строкъ, чтобы грядущіе знали, какъ сладко жилось русскому народу Галича, подѣ знаменемъ желто-блакитниковъ, подѣ лозунгомъ „безъ попа, холопа и пана“...

* * *

Народъ, въ своей массѣ престопаодія, не признавалъ никакой „Украины“, считая это чѣмъ то ненормальнымъ, противоестественнымъ, всегда смотрѣлъ на востокъ, откуда ждалъ спасенія, ждалъ, что отъ Востока засіяетъ ясная заря свободы-освобожденія. Если въ близости не было „украинскаго“ жандарма или какого нибудь украинскаго сыщика или украинскаго „дѣяча“, много разъ случалось мнѣ слышать мнѣніе галицко-русскихъ крестьянъ. Однажды, зимой это было, стою въ церкви родного села на нашей славной Верховинѣ, на Бойковщинѣ, въ селѣ Ясеницѣ замковой, Турчанскаго округа, погруженный въ раздуміе такъ, что и незамѣтилъ, что кончилось богослуженіе и народъ сталъ расходиться и церковь пустѣла. Ко мнѣ подошелъ крестьянинъ Николай, точно не помню, кажется, Бойко его фамилія, громко вытеръ носъ, сплюнулъ и приступилъ ближе ко мнѣ.

— „Паничу, что такъ задумались? Церковь пустѣетъ, а вы стоите и не думаете, кажется, уходить... Правда, хорошо у Бога, нечего бояться злыхъ людей...“ — сказалъ сѣдовласый Николай.

Слова Николая вырвали меня изъ задумчивости, меня заинтересовали его слова, особенно страхъ передъ „злыми людьми“ и родилось желаніе узнать настоящее мнѣніе нашихъ крестьянъ на счетъ „Укра-

ины“, а то все роковое время войны я не жилъ среди родного русскаго народа, такъ какъ пришлось жить въ грозныхъ тюрьмахъ, въ Туркѣ и крѣпости Терезіенштатъ, что по славянски называется „Терезинъ“ и наконецъ въ злопамятномъ лагерѣ для интернированныхъ русскихъ галичанъ, юдолъ слезъ, плача, горя, печали и смерти Талергофъ, возлѣ Градца, въ Штиріи, а кромѣ того послѣ тюрьмы и заключенія служить императорамъ Францу Іосифу и Карлу, и на позиціяхъ въ скалистыхъ Альпахъ, защищать ненавистныхъ, провивныхъ властелиновъ возненавиженной Австро-Венгерской монархіи, и потому не знать новыхъ, настоящихъ настроеній родного народа, а то самозванные „самостійные“ мазепо-украинцы на весь міръ кричали: „Здѣсь нѣтъ русскаго народа, есть только „украинцы“, а послѣ того, какъ наша матушка Австро-Венгрія перевѣшала „кацаповъ-москофиловъ“ а другихъ вывезла въ лагерь интернированныхъ, нѣтъ у насъ руссофильства“, я спросилъ Николая:

— „Да кого вы боитесь, честный Николаю... Сейчасъ, послѣ войны кровавой, когда міръ провозгласилъ свободу и самоопредѣленіе народовъ и распалась наша угнетательница Австро-Венгрія... Когда, какъ говорятъ паны и комиссары, по желанію самаго народа родилась свободная Украина... нечего бояться... Въдь сейчасъ то свобода?...“

— „Да, шутите здоровы, паничу... Да какая свобода? И не снилась бы. Правда, говорятъ, что свобода и что всѣ народы добылись свободы. Можетъ быть, я не знаю, можетъ другіе народы и добыли себѣ свободу, но не мы, не нашъ русскій народъ...“ И вздохнулъ Николай глубоко, протянулъ мозольной рукой по высокому лбу и продолжалъ:

— „Да, было, правда, немного свободы, да не долго... ушли... ушли... кто свободу давалъ... и

... кажется ... не вернутся скоро ... Самъ Богъ, кажется, наказываетъ насъ за то, что не знали свое любить, евоимъ русскимъ именемъ дорожить “

— „Но все же, имѣете Украину. Такъ народъ хотѣлъ. Воля и свобода — ваша,“ — замѣтилъ я.

— „Украина, Украина!... Да, имѣемъ сейчасъ Украину и украинскія права, но когда, наконецъ, будемъ уже имѣть свое русское право, русскую свободу?! Когда мы по русски заживемъ на свободной русской землицѣ? “ — спросилъ старый Николай голосомъ, въ которомъ скрывались горе, боль, печаль и отчаяніе.

— „А Украины не хотите?“ — спросилъ я.

— „Украина, паничу, политика, а политика — панское гунцвотство... Въ нашихъ то горахъ, передъ войной ни слыху ни дыху не было за Украину. Только во время войны такое завелось, пекъ имъ и осина, и людей побаламутило, на бѣду свело... “ — продолжалъ отчаянно Николай.

— „Будетъ, будетъ еще. Это временное испытаніе. Русь встанетъ во всей славѣ и будетъ славна, крѣпка и велика и врата адава не преодолеютъ ея. Нужно только возбудить въ народѣ національное самосознаніе и готовность на самопожертвованіе, готовность идти на смерть за Родину, за Русь святую“, — поддержалъ я вѣрнаго сына Руси, Николая.

— „Да, умирать то мы умѣемъ. Мало ли могилъ безвинныхъ жертвъ на всемъ Прикарпатью? Мало ли висѣлицъ, по разнымъ селамъ, запѣло ужасную, печальную пѣсню жильцамъ нашихъ Карпатъ, отдавшимъ свои буйныя головы? За что? Только за Русь святую, за русскую вѣру, за слово русское! И мы умирать готовы, только сейчасъ — не за кого. За Украину? Не за кого! За грабежниковъ!? За насильниковъ?! За доносчиковъ, что вѣшали нашихъ лю-

дей?!“— И захлывалъ старикъ, въ глазахъ задрожали двѣ крупныя, тяжелыя слезы, покотились по сморщинами изрытому лицу и пали на полъ церкви. Нѣсколько минутъ продолжалось волненіе старика, но наконецъ старикъ переборолъ страданіе души и продолжалъ:

— „Вотъ хотя бы только въ сосѣдней Лопушанкѣ, сколько тамъ повѣсили нашихъ людей? И за что? За то только, что русская мать ихъ вскормила, что русскій воздухъ ссали! За то, что по русски молиться Богу святому!“ И опять захлывалъ старый Бойко, вспомнивъ что-то болѣе больного, и сталъ продолжать свою печальную жалобу:

— „А моего то сына родного... чуть-чуть было бы повѣсили. Только мальчикъ кума Андрея спасъ его отъ неминуемой смерти. Разсказалъ, что Волько, собачій жидъ, вретъ и клевететь на сына моего, что онъ не грабилъ, не воровалъ добро, а сохранялъ отъ порчи. Богъ прости ему, грѣшному жиду, окаянный грѣхъ. А сколько людей повѣсили мадьярскіе солдаты на доносъ и требованія нашихъ доморослыхъ мазепоукраинцевъ, что приплелись въ наши горы Богъ вѣсть откуда... какіе то „украинскіе сѣчовики“, что вѣшали на радость себѣ, мадьярамъ и нѣмцамъ „кацаповъ-москалефиловъ“, какъ они называли нашихъ людей. А сколько арестовали, сами знаете. И вы и братъ вашъ и отецъ вашъ родной, а нашъ духовный. Мы и не надѣялись васъ въ живыхъ видѣть, но Богъ сохранилъ васъ, а то — Богъ имъ прости великій грѣхъ, что святая земля не распалась подъ нимъ когда онъ, попъ мазепинецъ въ Старой Соли, на святомъ мѣстѣ, въ храмѣ Божьемъ говорилъ народу, что васъ троихъ повѣсили — и отца и вашего брата и васъ паничу. Такъ, такъ — вы изъ мертвыхъ вставшіе. И, если бы то говорилъ жидъ, некрещенная душа, еще можно бы

понять, но, Боже прости, это говорилъ священникъ, на святомъ мѣстѣ, въ храмѣ Божьемъ, гдѣ то на отпустѣ, кажется въ Старой Соли, уже не помнится хорошо. Но были тамъ наши люди и рассказывали. Тотъ священникъ-украинецъ, знаютъ его наши люди, онъ много дѣлалъ украинской баламуты по нашимъ горамъ, когда были выборы, онъ хотѣлъ нашимъ посломъ стать, но мы за своего постояли, на Игнатія Гошовскаго тогда голосовали, но ей Богу, уже не помню, какъ назывался тотъ палачъ русскаго народа въ священническихъ ризахъ... Богъ съ нимъ! „Прости имъ Господи — не вѣдаютъ, что творятъ!“ Минуту подумалъ старикъ, подумалъ, а наконецъ вздохнулъ глубоко, глубоко и спросилъ:

— „И должны мы послѣ того, послѣ всѣхъ вѣщлицъ, разстрѣловъ, заключеній, послѣ массы неповинныхъ жертвъ и моря крови любить и обожать такъ званую „Украину“ и идти сражаться за тѣхъ пановъ, которые обагрили свои грязные руки неповинной кровью нашихъ мучениковъ, родныхъ братьевъ, женъ и дѣтей? Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! и стократъ нѣтъ!!! За Русь мы жизнь отдать всегда готовы! Но слѣдами измѣнника Мазепы — никогда не пойдёмъ! А если кто изъ насъ подъ страхомъ и угрозой грозной смерти и струсилъ тотъ будетъ раскаиваться и горькими слезами плакать. Я старъ, скоро умру, но вы, паничу, доживете того, что намъ Богомъ не суждено дожить, вѣрьте, доживете великаго момента, когда встанетъ великая, могущая, свободная, единая, недѣлимая, святая Русь — и врата ада не преодолѣютъ ея! Я тѣмъ живу и съ тѣмъ умру“. И повернулся старый Николай Бойко къ святому престолу, отвѣсилъ три глубокихъ поклона, ознаменаясь святымъ крестомъ, приложился къ Кресту на тетраподѣ и далъ мнѣ молча знакъ, что пора уходить.

Черезъ минуту сѣдоглавый Николай закрылъ церковь, молча пожалъ мою руку, но такъ крѣпко, что я почувствовалъ, что старый крестьянинъ, житель родныхъ Карпатъ, дѣйствительно настоящій русскій патриотъ и свято и крѣпко вѣрить, что его завѣтные мечты когда то осуществляются и Русь единая будетъ жить, если не за его жизни, такъ навѣрно за жизни грядущихъ поколѣнѣй... И встрѣча съ старымъ Верховинцемъ-Бойкомъ разбудила и зажгла въ моемъ сердцѣ великую надежду... Русь воскреснетъ!

Въ тотъ день я долго не могъ уснуть. Не сходилъ на голову сонъ долго-долго, а когда наконецъ сонъ уморилъ тяжелую голову, во снѣ видѣлъ я великое, свѣтлое зарево восходящей свободы родной русской земли, и позабылъ, что вмѣсто австро-венгерской неволи живу подъ гнетомъ народныхъ предателей-измѣнниковъ мазепо-украинцевъ, петлюровцевъ и тѣмъ подобныхъ изверговъ родного народа. Во снѣ я жилъ свободной жизнью, на свободной русской землѣ.

* * *

Хорошій сонъ скоро прошелъ безвозвратно. Я очутился подъ знаменемъ „желто-блакитниковъ“. Меня разбудилъ ужасный, прямо нечеловѣческій крикъ-ревъ. Я подбѣжалъ къ окошку и глазамъ моимъ представилась отвратительная картина. На дорогѣ лежалъ молодой парень, лѣтъ 16 или 18, не больше, а его беззащитного, окровавленного салдаты-жандармы, украинскій самозванецъ, какой то извергъ рода челоуѣческаго, избивалъ прикладомъ, куда не попало, по голоу, по рукамъ, ногамъ, не смотря на умоленія несчастнаго, беззащитнаго парня. Я не могъ перенести позорной картины, набросилъ на себя шинель, — я только недавно возвратился изъ италійскихъ пози-

цій —, и поспѣшилъ на улицу, захваливъ съ собою военный револьверъ, который удалось мнѣ кое какъ привезти изъ позиціи домой.

— „Постой! постой! не издѣвайся надъ беззащитнымъ человѣкомъ! За что избиваешь ты его?“ — спросилъ я рѣшительно и грозно.

— „Я, я... я жандармъ...“ — пробормоталъ звѣрь въ человѣческомъ образѣ на свое оправданіе.

— „Если ты и жандармъ, есть ли у тебя право такимъ нечеловѣческимъ образомъ избивать неповиннаго, беззащитнаго человѣка, роднаго брата твоего?“ спросилъ я дальше. Въ это время избитый старался подняться, но не могъ, ибо побоями здорово повредилъ его „українскій жандармъ“. Я, молча, приказалъ ему лежать; онъ послушался и легъ опять на улицу, и слабымъ голосомъ, благая, обратился ко мнѣ:

— „Паничу, я ходилъ въ Турку... Тамъ продаетъ одинъ жидъ настоящій русскій табакъ. Мой отецъ страстно любить любить русскій табакъ, и я пошелъ въ городъ и купилъ немного табаку для отца то. Иду, вдругъ онъ, жандармъ идетъ мнѣ на встрѣчу и говорить: „что несешь, такой а такой сынъ?“ Я и говорю: „Я не такой какъ ты — такой а такой сынъ“, а что несу, не твое дѣло!“ Жандармъ вдругъ ударилъ меня прикладомъ, я покотился на землю, кричу, умоляю, а онъ только бьетъ меня прикладомъ и приговариваетъ: „Знай, такой а такой сыну, что теперь Украина и мы имѣемъ свободу, что хотимъ, то и дѣлаемъ, а ты молчи и давай мнѣ табакъ, то на украинское панство, на украинскую армію, а не хочешь, такъ до смерти заколочу.“ На это прибѣжали вы паничу.

Я выругалъ украинскаго блюстителя порядка, а собственно настоящаго насильника и грабителя, который, принявъ видъ виновника, скоро улетучился, а

мнѣ пришлось призвать помощь и избитаго доставить на домъ, послѣ чего я отправился къ жандармскому коменданту и заявилъ о всемъ происшедшемъ. Каково, однако, было мое удивленіе, когда увидѣлъ насильника жандарма свободно, безъ наказанія гуляющаго и неразъ и не два избивавшаго беззащитныхъ людей, женъ а даже дѣтей и грабившаго безнаказанно гдѣ и что попало подъ руку. Наконецъ то я узналъ настоящую правду. За Украины живетъ свобода, то есть „что хочешь то и дѣлай, никакого не спрашивай, не знай пана, ни Ивана. Украина живетъ безъ попа, холопа и пана“.

Кромѣ того узналъ я, что комендантъ жандармеріи, послѣ того, какъ я вышелъ отъ него послѣ жалобы на звѣрскаго жандарма, въ присутствіи жандармовъ и постороннихъ лицъ грубо сказалъ: „Бей холопа въ морду, чтобы зналъ, что панъ значить! Хай живетъ Украина!“

* * *

Нѣсколько дней спустя, подъ хорошимъ впечатлѣніемъ „украинской“ свободы понадобилось мнѣ побывать по дѣламъ въ городѣ Самборѣ, гдѣ когда то былъ ученикомъ гимназіи. Извѣстно, что за „Украины“, гдѣ существовали такіе хорошіе порядки, какъ описанный выше грабежъ, населеніе, особенно на Верховинѣ ужасно бѣдствовало и голодало. Наши верховинскіе Карпаты родятъ очень плохо, немного картошки и бѣдный овесъ, изъ котораго хлѣбъ, зовимый „ощипокъ“ такой что пожалься Боже... Потому принужденъ былъ народъ за кускомъ хлѣба ѣхать въ болѣе плодородныя мѣстности, на примѣръ въ Самборъ. За тѣмъ поѣхалъ и я.

Нужно признать, что „паны“ комисари украинской республики усердно заботились о томъ, чтобы

всѣ жители „Западной Украины“ имѣли цѣлую массу „легитимаций“, за которыя приходилось много, много платить, а въ результатѣ оказывались всѣ эти легитимации настоящей чепухой. Съ легитимациями никто не считался, это былъ просто абсурдъ, вѣдь большинство „жандармовъ“ люди безграмотные, и все равно въ легитимацияхъ не разбирались. Чтобы не выбрасывать напрасно денегъ, то кто могъ, „дѣлалъ“ легитимации самъ. Я это тоже испробовалъ и это оказалось очень практическимъ, а главное дешевымъ. Выхлопоталъ я отъ комиссаріата въ Туркѣ разрѣшеніе на „довозъ“ муки и зерна изъ Самборскаго уѣзда, изъ Старосамборскаго комиссаріата выхлопоталъ похожее разрѣшеніе на „перевозъ“ муки и зерна черезъ территорію Старосамборскаго уѣзда, а наконецъ, отъ Самборскаго комиссаріата разрѣшеніе на „вывозъ“ муки и зерна изъ Самборскаго уѣзда. Значить, всѣ „документы“ на транспортъ муки и зерна изъ города въ деревню только 44 километра отдаленную, за довольно значительную плату, были у меня въ карманѣ. Не хватало еще только „пропуска“ на дорогу въ Самборъ и обратно.

Практика научила меня, что „пропуски“ отъ комиссаріата ничего не стоятъ. Однажды, ѣду я закутанный въ шубу, это было зимой, и останавливаетъ меня „украинскій“ жандармъ:

— „Говъ, — крикнулъ, — кулигитимацию маешь?“

— „Маю, говорю и wygrебъ изъ кармана легитимацию, самую настоящую, оригинальную, подписанную господиномъ жизни и смерти, паномъ комиссаромъ Рѣпецкимъ и жду жандармскаго осмотра. Жандармъ взялъ легитимацию въ руки, сталъ ее внимательно осматривать, на всѣ стороны — жаль что легитимация могла похвастаться только двумя страни-

цами —, наконецъ отсапнувъ сердито въ сторону, врѣзалъ самоувѣренно:

— „Твоя кулигитимація поддѣланная, фальшивая..

— „Увѣряю васъ, что настоящая... Самъ комиссаръ, панъ Рѣпецкій подписалъ...“ — возразилъ я.

— „Не завертай мнѣ головы! Знаю я, знаю. Вотъ, и печать фальшивая. Должна быть округлая, а здѣсь длинная. То противъ закона. Поворачивай! Поѣдемъ къ коменданту, пусть онъ посмотритъ“ — приказалъ жандармъ.

Я замѣтилъ, что украинскій жандармъ безграмотный, и не желая терять времени прямо предложилъ:

— „Послушай братъ, у меня срочное дѣло, некогда гулять. Вотъ я тебѣ дамъ за дѣло десять коронъ, а когда возвращусь можемъ зайти къ твоему, коменданту, если пожелаешь“.

Жандармъ сладко улыбнулся, глаза его засіяли блаженствомъ, возвратилъ мнѣ легитимацію и сказалъ:

— „Такъ бы и сразу говорили. Давайте и съ Богомъ!“

Это меня научило, какія легитимаціи нужны на селахъ Западной Украины и какъ себѣ помочь. Послѣ того случая я никогда не бралъ легитимаций отъ „комиссара“, а прямо самъ написалъ, приложилъ печать парохіального уряда, немного повертѣлъ, покрутилъ, чтобы ни надписи, ни изображенія Св. Михаила нельзя было разобрать, и это была всегда, самая лучшая и настоящая „кулигитимація“, — украинскіе жандармы никогда не придирались. Такой легитимацией я обзавелся на дороге въ Самборъ и отправился на вокзалъ.

Согласно расписанію поѣздовъ поѣздъ уходилъ точно въ девять часовъ. Подхожу къ кассѣ и прошу карту. Это было за нѣсколько минутъ до точнаго отъѣзда поѣзда.

— „Панцю“ — улыбаясь отвѣтилъ чиновникъ съ красной шапкой — „можете еще и выпатся... Поѣздъ еще въ Сянкахъ.“

— „Какъ такъ?“ — спросилъ я удивленно.

— „Да... простая исторія... Служба вечеромъ попянствовала, изъ Ужгорода привезли вина... а... утромъ, когда пришлось паровозъ повернуть... поѣхали на „дрешайбу“... и какъ чортяка закрутила... и паровозъ... бабахъ... вверхъ ногами... Поднимають...“

„Когда же приблизительно подымуть?“ — спросилъ я чиновника.

— „Не знаю, панцю. Но не безпокойтесь, поднимуть. Идите спокойно домой обратно, или зайдемте лучше къ Гаймеркѣ, на стаканчикъ вареннаго вина. Что... какъ? Хорошее предложеніе?“ — улыбаясь спросилъ желѣзно дорожный чиновникъ.

Отъ нечего дѣлать принялъ я любезное приглашеніе и отправились къ названной гостинницѣ, понятно, еврейской, къ старой Гаймеркѣ, которая пользовалась славой, что у нея самое лучшее карпато-русское вино, которое въ это время называли „венгерское“. За виномъ и за разговоромъ, понятно, собралась компанія. Провели мы время и только послѣ обѣда, кажется въ пять часовъ съ лишнимъ, сѣлъ я въ второй классъ, который отъ третьяго отличался только тѣмъ, что были въ немъ окна со стеклами, когда въ третьемъ классѣ окна были задѣланны досками. Съ трудомъ, въ холодномъ, не отапливаемомъ поѣздѣ, звоня зубами, добрались мы поздно ночью въ Самборъ. Какой то жидокъ, одноконкой довезъ меня въ какую то гостинницу, гдѣ тоже нельзя было огрѣться, и потому пришлось идти въ кофейню и наслаждаться цыганской музыкой, пріѣхавшей откуда то изъ Венгріи. Такъ проходило время.

Въ кофейнѣ встрѣтилъ я моего школьнаго товарища и друга а вмѣстѣ сострадалца по Терезину и Талергофу, а наконецъ и „кригскамерада“ по 77-омъ пѣхотномъ полку, Владиміра Ильича Киричинскаго. Радостная была наша встрѣча, а то послѣ того какъ насъ разбросали по разнымъ полкамъ, какъ политически неблагонадежныхъ, мы не встрѣчались. Потому, много было у насъ разсказовъ о жизни на войнѣ, о всевозможныхъ гоненіяхъ и проч. проч. Между прочимъ я узналъ, что Володька успѣлъ уже жениться, къ сожалѣнію — на полькѣ —, что мнѣ очень не понравилось. Зачѣмъ намъ русскимъ жениться на полькахъ и такъ потеряться для русскаго народнаго дѣла, вѣдь доказано, что разъ женишься на полькѣ, пропадѣ ! Для русскаго народа потерянная единица ! Но, считаясь съ чувствами друга, послѣ горькой замѣтки, повернулъ я разговоръ на другую тему. Мы начали говорить о „нашей самостійной Западной Украинѣ“ и о существующихъ въ ней порядкахъ. Здорово насмѣялись. Особенно Володька съ юморомъ разсказывалъ очень много и чтобы списать то все, нужно посидѣть нѣкоторое время. Но одинъ характеристическій моментъ вспомню. Онъ характерный для существовавшихъ порядковъ и отношеній въ такъ званной „Західной Украинской Республикѣ“.

— „Погоди“, — началъ Володька, громко заливаясь смѣхомъ, — „Сейчасъ разскажу тебѣ хорошій фактъ „украинской“ свободы. Однажды собрался я во Львовъ. Прихожу на станцію и жду. Сейчасъ приходится повсюду ждать и ждать... Отъ нечего дѣлать, гуляю по перону. Гуляетъ тоже какой то молодой человѣкъ, очень прилично одѣтый, въ лаковыхъ ботинкахъ, навѣрно на свадьбу собрался, ожидаетъ поѣзда, который уже давно долженъ бы быть во Львовѣ... Въ углу стоитъ кучка солдатъ и наблюдаетъ

за молодымъ человѣкомъ. Меня такъ и дернуло, что солдаты сейчасъ выкинуть съ незнакомый франтомъ. Съ любопытствомъ сталъ я наблюдать и вслушиваться въ разговоръ солдатъ.

— „Ты, мой !... Зачѣмъ паничу такіе ботинки? Что? Не можетъ онъ ходить въ такихъ „баганчахъ“ какъ я? Что думаешь?“ — спросилъ одинъ изъ богатырскихъ защитниковъ „самостійной“.

— „Ба, ба... Можетъ, почему бы нѣтъ. А намъ бы то хорошо такіе ботинки, не нада и „ваксу“, все блестить какъ солнце“ — отвѣтилъ второй, моргнувъ плутовски глазомъ на третьяго.

— „Да, да, меня то совершенно обувь разорвана. Хорошо бы помѣнять“ — прибавилъ третій солдатъ.

— „Что же твои мѣнять, хорошіе еще... и дома походить можно, только подметки набить, и годъ послужать.“

— „Лучше, давай я схожу въ магазинъ и принесу „спеціальные“ для панчука ботинки, тамъ этогохлама сколько угодно — дрянью, прямо прелесть, когда панъ надѣнетъ и пойдетъ гулять по городу“.

— „Сходи, а мы подождемъ, чтобы птица не улетѣла“.

— „Не улетитъ, поѣзда поджидаетъ“.

Черезъ нѣсколько минутъ принесъ солдатъ дрянные, дрянные солдатскіе, громадныхъ размѣровъ сапоги. Уже заранѣе радовались, какъ это „панъ“ одѣнетъ на свои ноги, вмѣсто лаковыхъ ботинокъ.

— „Ты, панъ! Снимай сапоги!“ — приказали солдаты, подходя къ молодому человѣку.

— „Да, какъ же мнѣ снимать ботинки? Вѣдь это не казенные, за деньги купилъ, и вамъ солдатамъ не годятся; а прочемъ, въ чемъ же я то стану ходить?“

— спросилъ испуганно молодой человѣкъ.

— „Казенные, неказенные — все равно. Снимай! (Здѣсь пропускаю, ради приличія, одно настоящее „украинское“ слово.) Снимай..... сынъ! а нѣтъ, такъ мы тебѣ поможемъ.“ — сказалъ самый старшій солдатъ и свой приказъ поддержалъ здоровымъ ударомъ приклада.

Не чего было дѣлать, развѣ, уступая передъ варварскимъ насиліемъ, снять лакированные ботинки и надѣть, противъ своей воли, казенные а затѣмъ взять извощика и вернуться домой за ботинками. Но получивъ еще разъ прикладомъ, и подъ угрозой дальнѣйшихъ побоевъ, надѣлъ рванные, казенные сапоги, подъ общій смѣхъ и радость украинскихъ солдатъ, и убѣжавъ сторону подѣзда, уѣхалъ въ „свободной республикѣ“ именуемой „Західна Украина“.

Этому варварскому поведенію украинскихъ солдатъ присматривались съ улыбкой на устахъ, одинъ украинскій старшина-офицеръ и чиновникъ желѣзно дорожной службы. Старшина громко разхохотался, понравилось ему это „геройство“ солдатъ и онъ одобрилъ громко поведеніе солдатъ:

— „Хорошо! Молодецъ! Вотъ это мнѣ нравится. Настоящая украинская „вдача“. Гуляй на морозу безъ ботинокъ!“

Долго еще говорили съ Володькой, хохотали и смѣялись, на славу „самостійной“, гдѣ свобода, какой и не сыщешь, братъ, нигдѣ. И только поздно ночью разошлись мы по квартирамъ; я въ холодную гостиницу, а Володька — въ теплую супружескую кровать... въ сладкія объятія молодой красавицы, къ сожалѣнію, черно-глазой польки.

* * *

Зимнее солнце любопытно заглянуло въ комнату моей гостиницы и приказало встать и заняться дѣ-

ломъ, покупками. Цѣлый день былъ я на ногахъ. Чуть ли не въ всѣхъ побывалъ магазинахъ, накупилъ кое чего для дома, главнымъ образомъ по „гастрономическимъ“ спеціальностямъ, а то въ нашихъ горахъ ни хрѣна ты не получишь. Жида дрожать передъ поисками жандармовъ за „кулигитимаціями“ и находятъ, что лучше сидѣть по домамъ и защищать, если удастся самому не попасть подъ нагайку, своихъ женъ и дѣтей и годами войны нажитое имущество. Какъ то незамѣтно на дворѣ стало сѣро, стало смеркать и скоро вечеръ вступилъ въ полновластное господство. Мнѣ осталось дожидаться утра. Въ часовъ девять утра двигался поѣздъ, котораго за время Украины удачно называли „черепаха“, потому что поѣзда дѣйствительно двигались съ быстротой этихъ животныхъ.

Нечего дѣлать. Куда дѣваться ? Театра нѣтъ, цыганская каппелла уѣхала въ Стрый. Скука ! А все же надо вечеръ кое какъ провести. Куда повернуть ? Знакомствъ нѣтъ, а если и есть, такъ не знаю, гдѣ живутъ знакомые. Рѣшилъ я бродить по улицамъ съ надеждой встрѣтить кого либо изъ старыхъ знакомыхъ, еще со школьной скамейки. Хожу, блужу, вдругъ глаза мои пали на небольшую, красненькую афишку, а на ней крупнымъ шрифтомъ напечатано : „Украинска Свѣтляна“. Я понялъ изъ программы, что дѣло идетъ объ электрическомъ театрѣ. Хорошо, подумалъ я, пойдемъ посмотрѣть „Украинскую Свѣтляну“, все таки время пройдетъ, а кромѣ того быть можетъ встрѣчу когонибудь изъ товарищей. Шелъ какой то сензаціонный детективный фильмъ, но мнѣ было безразлично, я не любитель фильмовъ, а главное надежда встрѣтить когонибудь завела меня по указаніямъ афишки.

Подхожу къ зданію польскаго общества „Соколъ“

гдѣ сейчасъ помѣщалась какая то украинская команда и названная „Украинская Свѣтлана“. Вхожу, въ корридорѣ толпится толпа солдатъ. Слышу русскую рѣчь. Настоящую русскую рѣчь. Солдаты разговариваютъ по русски, а не по „украински“ или по крайней мѣрѣ по бойковски, по гуцульски, или по лемковски, если уже не по подоляцки. Меня это удивило, я сталъ внимательно наблюдать за „украинскими“ солдатами говорившими по русски. Наконецъ, подхожу къ небольшой группѣ солдатъ и навязываю разговоръ на неопредѣленную тему. Наконецъ освѣдомляюсь у солдатъ :

— „А вы солдаты, будете изъ Россіи?“

— „Да, изъ Россіи“, — отвѣчаетъ какой то красивый, съ живыми глазами, въ формѣ „украинскаго“ солдата, парень.

— „Изъ который губерніи“ — любопытствую я дальше, не обращая вниманія на толпу окружавшихъ меня солдатъ.

— „Изъ турчанской“, — отвѣтилъ бодро тотъ же красавецъ, и улыбнулся побѣдоносно.

Красавецъ мнѣ положительно понравился, я въ душѣ тоже улыбнулся и продолжалъ допросъ:

— „Изъ какой деревни, волости?“

— „Изъ Яблонки Нижней“, — отвѣтилъ, не збиваясь съ толку, солдатъ.

— „Такъ мы земляки“, — отвѣтилъ я и протянулъ руку, и пожавъ крѣпко, отъ души, братскую руку солдата. Онъ только тогда посмотрѣлъ на меня внимательно и спросилъ:

— „А вы то изъ какой деревни будете, разъ говорить „землякъ“?“

— „Не далеко отъ васъ, изъ Ясеницы замковой.“

Землякъ посмотрѣлъ на меня еще раза два, покрутилъ небольшой черный усь и спросилъ :

— „А не будете ли вы сынъ попа изъ Ясеницы замковой? Служили въ солдатахъ, въ Ярославлѣ, при „семь-семь“ полку, при четвертой компаніи, въ „сепаратъ абтайлюнгу“, что былъ на Глубокой. Я васъ, кажется, тамъ встрѣчалъ. Я служилъ во второй запасной ротѣ?“

— „Тотъ самъ,“ — отвѣтилъ я, и мы завели совершенно дружескій разговоръ. Скоро оказалось, что всѣ окружающіе меня солдаты, это дѣти нашихъ богатырскихъ карпатскихъ горъ, всѣ доблестные и храбрые Бойки, всѣ сыны Руси святой.

— „Но скажите мнѣ, братья, гдѣ вы научились такъ хорошо говорить по русски? Вѣдь за Австро-Венгріи не учили по русски, а только морочили голову „базиканнямъ“, — поинтересовался я дальше.

— „То то и дѣло, что за Австро-Венгріи не учили насъ по русски. Но мы, зная и сознавая что мы и кто мы, какая мать насъ родила и въ русскихъ Карпатахъ вскормила, своего держались. У насъ была „Читальня общества Качковского“. Мы читали, учились, изъ Россіи приносили русскія, настоящія книги и все понимали, только говорить такъ не умѣли, твердо по русски, какъ въ глубокой Россіи и на Украинѣ Великой. Но, хотя и бѣда была на войнѣ, но слава Богу, черезъ войну мы попали въ плѣнъ Россію, много узнали, много видали и многому научились. И не обманетъ насъ какой-нибудь проходимецъ, „вчець“ украинецъ. Прогонимъ.“ — пояснялъ Бойко-молodeцъ.

— „Очень хорошо! Это меня радуетъ. А не боитесь вашихъ офицеровъ и не ругаютъ ли они васъ за то, что говорите по русски, а не по украински?“

— „А чортъ бы ихъ боялся! Они рады, что мы имъ служимъ... для Украины то... и молчатъ. Былъ, правда, одинъ какой-то „переученный-недоученный офицеръ“ и сталъ что то ворчать на „кацаповъ“, но вотъ Иванъ Зачертежный, какъ не станетъ на него:

„Молчи ты, хотя ты и „старшина“ и не лѣзь къ намъ съ кацапами! Бывали мы кое гдѣ и видали свѣтъ и Россію и „кацаповъ одноглазыхъ“. Уже не запугаешь насъ сейчасъ жандармами и мадыарской висѣлицей. Сейчасъ свобода и самоопредѣленіе и я какъ хочу такъ и говорю. Если тебѣ не пріятно слушать, что я говорю по русски, а ты какъ интеллигентъ не знаешь русскаго литературнаго языка, то убирайся ко всѣмъ чертямъ. Сейчасъ свобода — Украина... и не пора панамъ надъ народомъ издѣваться. Намъ же свободно и книжный русскій языкъ знать и понимать, а вы, паны, какъ себѣ хотите. Вольному воля. Намъ война открыла глаза... и пропала ваша нѣмецкая Украина!... такъ и дайте намъ покой, всѣ мы говоримъ какъ хотимъ, по русски ли, или по нашему, по бойковски, или по подоляцки, все это наше русское!“

Хотѣлъ нашъ бойкій Верховинецъ еще что-то говорить, но послѣдній колокольчикъ звонко зазвонилъ, извѣщая начало представленія, и мы пожали другъ другу дружно руки и вошли въ залъ, гдѣ уже фильмъ былъ въ ходу. Послѣ я уже не видѣлъ дорогого земляка, но довольный пошелъ спать въ гостиницу, не ища больше встрѣчи знакомыхъ. То, что я услышалъ изъ подлинныхъ народныхъ источниковъ, что украинская язва не на столько разлослась въ нашихъ горахъ, и русскій духъ живъ, несмотря на гоненія, тюрьмы, висѣлицы и насильственную украинскую пропаганду... облегчило мою душу и я свободнѣе отдохнулъ и громко закричалъ: „Живетъ Русь! И вѣчно жить будетъ, пока бьется русское сердце, пока въ жилахъ течетъ русская кровь!...“ и уснулъ сладкимъ, тихимъ сномъ. А во снѣ я видѣлъ, какъ встаетъ, поднимается великая, могучая, свободная и недѣлимая Русь!

Въ восемь часовъ утра я былъ уже на станціи и ждалъ поѣзда. На станціи начался осмотръ багажа и документовъ, разрѣшающихъ вывозъ муки, зерна и прочее. Солдаты проявляли очень много энергіи насчетъ ревизіи и провѣрки разрѣшеній. Было при томъ много шума и крика да настоящей „украинской“ ругани, въ которой былъ использованъ самый огромный „словарь украинской литературной мовы“ съ цѣлой массой словъ не подходящихъ къ печати, но въ это время бывшихъ въ обыходѣ на публичныхъ мѣстахъ, среди женщинъ и дѣтей. Я стою и, наблюдая все происходившее удивляюсь богатой „словесности“ самостойной Украины. Не могъ я понять, что собственно подѣйствовало на людей въ этомъ печальномъ направленіи, что безъ стѣсненій стали употреблять самыя вульгарныя выраженія, война ли со всей своей озвѣрѣлостью или прямо „украинская“ культура? Я рѣшилъ, что послѣдне, вѣдь украинство поставило себѣ лозунгомъ — не поднимать простонародіе къ высшей степени культурнаго уровня, а наоборотъ, болѣе культурное сословіе, интеллигенцію понизить къ простонародію, понимая плохо великій лозунгъ: „назадъ къ народу!“

Среди шума и крика доминировала, понятно, ужасная ругань солдатъ, а затѣмъ плачь и крикъ обижаемыхъ женщинъ, защищавшихъ свое, за дорогіе деньги накупленное добро, муку, зерно и прочее. При осмотрѣ приходило прямо къ скандальнымъ сценамъ. Какая то старшаго возраста женщина отчаянно защищала муку, которую солдаты рѣшили „зареквировать“. Всю муку, зерно и вообще съѣстные продукты были объявлены собственностью „народной республики“ и безцеренно „конфисковались“. Солдаты насильно отнимали муку и прочее и складывали въ спеціально на это приготовленный возъ.

— „Паночку солодкій!“ — лепетала беззащитная женщина, — „Дома дѣти отъ голода помирають... Нечего ѣсть, картошки нѣтъ, нѣтъ и зерна и муки и ничего нѣтъ. Корову продали, пришла купить хлѣба, чтобы дѣти отъ голода не погибли. Не берите моей муки!“ И бросилась обиженная женщина всѣхъ тѣломъ на небольшой мѣшокъ съ мукой. Солдаты звѣрски копнули несчастную женщину въ бокъ, она заревѣла ужасно и, заливаясь слезами, охраняла муку своимъ тѣломъ. Озвѣрѣлый солдатъ сталъ несчастную безжалостно избивать прикладомъ, а въ это время подошелъ другой солдатъ и силой выхватилъ мѣшокъ съ мукой. Я подумалъ, что у несчастной женщины нѣтъ разрѣшенія на вывозъ муки и потому солдаты муку конфискують. Не успѣлъ я и оглянуться, какъ вдругъ кто-то меня толкнулъ, я оглянулся, смотрю — солдатъ.

— „Развязывай! Что везешь?“ — спросилъ солдатъ.

— „Вотъ везу, муку, кашу...“ отвѣчаю. Не успѣлъ я договорить, какъ солдатъ заявляетъ:

— „Все то конфискуется!“ и взялся отнимать отъ меня муку и прочее добро.

— „Простите!“ запротестовалъ я — „у меня разрѣшеніе отъ комиссаріата, вотъ, отъ самборскаго комиссара на „вывозъ“, всѣ документы въ порядкѣ“ и указываю всѣ „дозволы-разрѣшенія“.

— „А я на всѣ дозвола на.... (Здѣсь „украинець“ сказалъ настоящее украинское „литературное“ слово.) Здѣсь я комиссаръ и Богъ и все! Разъ я говорю, давай, такъ и давай! Съ рекурсомъ и съ дозволомъ можешь идти до Господа Бога! Бери муку!“ — приказалъ солдатъ другому солдату.

— „Вѣдь это грабежъ и незаконіе!“ — сталъ я протестовать, — „это неуваженіе власти! Если у меня

есть разрѣшеніе, у васъ нѣтъ права конфисковать у меня муку и прочее“.

— „У насъ теперь Украина! Понимаешь? Никто намъ не до приказа. Я самъ приказъ и законъ. А если не нравится — сказалъ, — до Господа Бога съ жалобой!“ — отвѣтилъ солдатъ, выхвативъ изъ моихъ рукъ всѣ „дозволы“, и разорвавъ ихъ на моихъ глазахъ, довольный прибавилъ: „Вотъ тебѣ и „дозволъ“! Дѣдчя.... мама ихъ прочтеть, а не я! Всѣ эти бумаги для насъ.... (И опять „украинское“ слово.) Знай, что у насъ „Украина“! Понимаешь, что то „Украина“!“

— „Понимаю!“ — осталось мнѣ только отвѣтить, — „Украина — это произволъ, насиліе, анархія! Вотъ, что „Украина“!

Убѣдившись, какъ въ новой „республикѣ“ уважаются законы, распоряженія и все возможное, какая существуетъ „свобода“, я собралъ то, что солдаты изволили не конфисковать, сѣлъ съ досадой въ холодный возъ, закуталъ ноги въ одѣяло и, проклиная въ духъ „Західну украинскую народную республику“, сталъ ждать отъѣзда. Изъ раздумія вырвалъ меня шумъ и крикъ около моего воза. Кричала опять какая то баба, защищавшая передъ грабежомъ кусокъ краснаго сукна, которое солдатъ „конфисковалъ“.

— „Оставь окаянный!“ — кричала баба — „это стоитъ деньги, я тяжело работала, пока скопила грошъ, а теперь тебѣ дать сукно? Нѣтъ, я пойду къ коменданту, окаянный ты злодѣй!“

— „Ты..... (Опять украинское слово.) Иди къ... .. (Еще одно украинское слово). матери....“ — отвѣтилъ солдатъ, выхвативъ изъ рукъ женщины красное сукно и преспокойно скрылъ въ карманъ шинели, громко хохоча: „Хорошій будетъ „капчукъ“ на табакъ а дѣвчинѣ хорошая корсетка“.

Жалоба крестьянки у „коменданта“ ничего не помогла. Когда крестьянка появилась съ жалобой передъ лицомъ какого-то молокососа офицера, тотъ лежалъ на диванѣ, затягиваясь русскимъ табакомъ Мессаксуди, приказалъ денщику:

— „Сведи это старое стерво на стражу и дать ей двадцать пять на..... (Опять украинское слово.), пусть не лазить по конторамъ офицерскимъ...“ — приказалъ власть имѣющій украинскій офицеръ-молокосось. И потаскали бабу насиліемъ, несмотря на душу раздирающій крикъ, на стражу, гдѣ исполнили звѣрскій приказъ безумнаго мальчишки, избивъ старуху до потери соснания, и въ такомъ состояніи толкнули ее въ поѣздъ, гдѣ старуха все время дороги не могла придти въ себя.

Съ бѣдой пополамъ добрался нашъ поѣздъ до станціи Стрѣлки-Топольницы, гдѣ пришлось пождать около двухъ часовъ, потому что водная станція не дѣйствовала, а безъ воды нельзя было ѣхать дальше. Наконецъ добрался я „счастливо“ домой въ Ясеницу замковую, гдѣ тепло способствовало забыть скоро всѣ „приключенія“ и „пріятныя“ столкновенія съ представителями „украинской самостійнической державности“.

* * *

Жизнь проходила, день за днемъ. Украинское право и господство продолжалось. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго права, ибо всѣ права были только за тѣми, кто сохранилъ у себя австрійскую винтовку, револьверъ, и самъ сталъ грабителемъ. Понятно, на это имѣли привилегіи только „патентованные мазепо-украинцы“, получившіе уже въ 1914 и 1915-омъ году патентъ на „ц. к“. австрійскихъ патріотовъ за измѣну родному русскому народу, за доносы, висѣлицы, разстрѣлы, за тюрьмы, Теризины и Талергофы, за цѣлое море неповинной русской крови. Кто не принад-

лежалъ къ этой измѣннической шайкѣ, тотъ не пользовался правами, не то гражданина, но просто даже правами человѣка. Села, гдѣ не было „украинцевъ“, считались „кацапскими“ и всячески притѣснялись всякаго рода Рѣпецкими, Морозами, Баданами, Витеками и прочими многими „спасителями-комиссарами“, которые только и грабили бѣдный русскій народъ Прикарпатя, набивая карманы деньгами. Неудивительно, что послѣ развала „Захѣдной украинской республики“ пришлось этимъ насильникамъ и грабителямъ бѣжать за границу, главнымъ образомъ въ Австрію и Германію, гдѣ сейчасъ живетъ имъ хорошо, т. к. являются владѣльцами громаднхъ домовъ, винницъ, гостинницъ, кинематографическихъ предпріятій и проч. проч., забывъ совершенно своихъ „братьевъ“, которымъ такъ громко обѣщали свободу и волю, въ дѣйствительности же ихъ только ограбили, набывъ свои карманы чужимъ добромъ. Сейчасъ живутъ они за границей припѣвая и припивая. Таковую „неньку“ Украину народъ не могъ любить, не могъ за того рода грабителей давать свою жизнь, кровь и имущество. Народъ только стоналъ и смотрѣлъ на востокъ... на Россію. Народъ не пугался ужасныхъ коммунистовъ съ ихъ стѣнками и разстрѣлами, съ ихъ чеками и ссылками. „Украина“ созданная нѣмцами для разложенія и развала русскаго народа сослужила коммунистамъ превосходную службу, на земляхъ Галицкой Руси создала почву для совѣтскихъ порядковъ и Галицкая Русь сейчасъ ожидаетъ спасенія опять „отъ востока“ говоря: „Будь въ Россіи и самъ чертъ... чтобы тотъ чертъ былъ нашъ, русскій... коммунисты или кто нибудь... туда хотимъ, но только, ради Бога, не хотимъ мы ненавистой „Украины“ псевдо „самостоятельной“ жизни подъ „желто-блакитнымъ“ знаменемъ... не хотимъ чужой, народу противной власти...

Вотъ это отвѣтъ Лигѣ Націй, всѣмъ конференціямъ и великимъ политическимъ строителямъ всемірнаго порядка, вотъ отвѣтъ глашатаямъ ложнаго „самоопредѣленія“ народовъ за то, что они всѣ, изнасиловали самымъ грубымъ образомъ несчастное русское населеніе Руси Галицкой и Буковинской, передавая ихъ послѣ кровавой войны въ неволю и рабство, подъ нечеловѣческое владычество кровожадныхъ, прямо нетерпимыхъ народомъ деспотовъ и угнетателей! Это рабство, конечно, не долговѣчное! Настанетъ время и Русь своихъ враговъ и угнетателей потопитъ въ ихъ собственной крови! Не далекъ моментъ великой народной мести, настанетъ день расплаты! И пусть тогда задрожитъ вся Европа, пусть обѣщаютъ и даютъ „свободу и самоопредѣленіе“, никто не повѣритъ обманщикамъ! Народъ русскій собственными руками добудетъ себѣ то, за что умирали его дѣды, отцы и сыны, добудетъ единую, недѣлимую, свободную, великую Русь, передъ которой станетъ на колѣни цѣлая Европа, и цѣлый міръ поклонится Руси Великой. Всѣ затѣи германцевъ и ими рожденные „желтоблакитные“ погибнутъ сами отъ себя, когда окрѣпнетъ и станетъ на ноги Святая Русь!

* * *

„Западно-украинская республика“ сразу начала играть роль „великаго“ государства. Она пожелала напиться челоуѣческой крови и кровью обогреть землю князя Данила и потому пошла „мобилизація украинской арміи“... Понятно, и мобилизація проводилась „по украински“, значить народъ на военную службу не призывался, а прямо гнали его брутальной силой, какъ дикихъ звѣрей выискивали и хватили по горамъ и лѣсамъ. Самъ народъ, переутомленный всемірной войной, не хотѣлъ еще дальше проливать кровь и

сражаться за какую то „Украину“ безъ закона и безъ права. Новобранцы скрывались передъ толпами „жандармовъ“, которые ихъ безжалостно избивали, когда несчастные попадались въ ихъ дикія руки. Въ селѣ Ясеницѣ замковой на этомъ поприщѣ подвизался „панъ“ Ильницкій, по слухамъ учитель, но откуда, Богъ вѣсть. Этотъ человѣкъ съ настоящимъ наслажденіемъ, съ звѣрской страстью, право сказать съ садистскими замашками, самъ собственноручно избивалъ молодыхъ „добровольцевъ“ украинской арміи. Всѣхъ сдучаевъ избіенія я не въ силѣ перечестъ, но одинъ характерный случай нельзя не отмѣтить.

Иванъ Ковачъ, молодой человѣкъ, единственный сынъ старыхъ родителей, которому австрійскія власти разрѣшили жениться уже на восемнадцатомъ году жизни, и ради старыхъ родителей и большого хозяйства освободили его отъ военной службы во время великой войны, палъ жертвой озвѣрѣлаго „коменданта“ Ильницкаго. Что его къ тому толкало, тяжело сказать, или садистскіе наклонности или желаніи получить отъ зажиточнаго крестьянина богатый откупъ. Иванъ Ковачъ только что возвратился изъ бѣженства изъ Россіи. Комендантъ сейчасъ послалъ своихъ „доблестныхъ“, жандармовъ, чтобы его арестовали и доставили на „станцію“. Гдѣ то въ лѣсу скрывающагося молодого человѣка схватили, избили прикладами, доставили на „станицу“, и передали въ руки пана коменданта. Тотъ засіялъ отъ радости.

— „Ага! Птица! Ты думалъ, что не попадешь въ мои руки?“ — спросилъ всемогущій жандармскій комендантъ и разхохотался во всю глотку.

— „Нечего мнѣ тебя бояться. На военную службу меня ты взять не можешь, законъ меня освобождаетъ, и я не былъ на всемірной войнѣ, не пойду и за какую то вашу „Украину“... — отвѣтилъ бодро Ковачъ.

— „Ложись... (украинское слово пропускаю)... сынъ! Ложись на скамейку!“ — приказалъ жандармъ, покраснѣвъ отъ злобы.

— „Слишкомъ коротки твои руки на то, чтобы ты меня билъ! Если хочешь, то ложись ты а я тебѣ дамъ за то, что ты дѣлаешь съ нашимъ народомъ, грабитель, мошенникъ, насильникъ... А быть можетъ хочешь откупъ, какъ изъ Пецаревы (Такъ называется часть села Ясеницы замковой.) ты взялъ... Нѣтъ больше дураковъ... пошли лѣсъ бѣлить!... Съ меня ты ничего не получишь“ — отвѣтилъ не стѣсняясь Иванъ.

— „Не ложишься?“ — заревѣлъ комендантъ и дрожа, цѣлый красный отъ злобы пустилъ въ ходъ свою нагайку, избивая несчастливца куда попало, по головѣ, по спинѣ и проч.

— „У... у... ты бусурманъ“ — крикнулъ Копачъ и, отвернувъ свою здоровую руку, началъ полицу избивать коменданта, расплачиваясь за нанесенную ему обиду. Сдѣлался большой шумъ, настоящая драка. Комендантъ не выдержалъ и заоралъ:

— „Стража! Стража! На помощь!“

Въ комнату вбѣжало нѣсколько „жандармовъ“ и стали несчастливца избивать прикладами, повалили на полъ, и каблуками стали избивать его по лицу и головѣ. Описать это звѣрство трудно. Скоро несчастливца палъ въ обморокъ, весь залитый кровью, на него вылили ведро воды и поставили стражу караулить до поѣзда, которымъ отправили его въ уѣздный городъ для „бранки“.

Тамъ Копача, какъ бунтовщика, „кацапа“ и большевика признали способнымъ къ воинской службѣ несмотря на льготу закона, который его отъ этой должности освобождалъ и черезъ три дня отправили въ главную команду въ Самборъ. Цѣлое село взволнова-

лось. „Избиваютъ нашихъ дѣтей!“ — кричали собравшіеся на вокзалѣ крестьяне, отцы, матери, жены и дѣти. Чувствовалось, что что-то случится. Жители села узнали, что сегодня повезутъ транспортъ „добровольцевъ“ изъ Турки въ Самборъ. По этому поводу собралось множество народа, чтобы вылить свой протестъ. Комендантъ прохаживался нервно. Онъ сознавалъ и чувствовалъ, что это протестъ главнымъ образомъ противъ его звѣрскаго поступка. Онъ постоянно обращался къ жандармамъ со словами:

— „Хлопцы, ухо на остро! Кацапы бунтуются!“

Жандармы, по большей части люди изъ своихъ, только улыбались. Имъ то не очень хотѣлось защищать коменданта, какого то „зайду-заволоку“, и они не прочь бы поколотить его, тѣмъ болѣе, что „Украину“ они понимали совсѣмъ иначе, и не признавали „украинскихъ зайдъ“, они сами хотѣли быть комендантами. Много разъ случилось мнѣ слышать ихъ разговоры: „Э, братцы! Прогонимъ эту украинскую сволочь и устроимъ себѣ свою республику. Съ Украиной намъ не вязаться. Будемъ сами, а если нужно будетъ намъ помощь, такъ, говорить, Чехи по той сторонѣ Карпатъ освобождаютъ нашихъ русскихъ братьевъ изъ мадьярскаго гнета и скоро насъ освободятъ. Мы Бойки и Лемки, всѣ русскіе люди, соединимся. Уже ходятъ слухи, что чешскіе легіонеры приближаются. Лемки, тѣ которые были подъ мадьярами, уже въ славянской республикѣ, скоро и мы будемъ и посбудемся проклятой „Украины“.

Откуда происходили такого рода слухи, самъ не знаю. Навѣрно приносили ихъ самые крестьяни, которые отъ поры до времени пробирались за Карпаты, откуда возвращались съ надеждой... Или быть можетъ возбудило эту надежду на освобожденіе Бойковской и Лемковской Руси въ рамкахъ Чехословацкой

Республики маленькое пусемце Андрея Михайловичка Д-ра Гагатко, хорошо извѣстнаго на Лемковщинѣ и Бойковщинѣ еще изъ передъ военныхъ временъ какъ борецъ за права поневоленнаго русскаго народа карпатской Верховины, которые то письмо онъ выслалъ изъ Пряшева и написалъ кратко: „Я живу въ Пряшевской Руси, въ городѣ Пряшевѣ, Главная 36 и политиканствую... Народъ пробуждается отъ тяжелаго, долговѣчнаго сна, сбрасываетъ тяжелые мадьярскіе кандалы и начинаетъ жить настоящей, свободной русской жизнью. Все идетъ хорошо, только работников на народной нивѣ — мало... Вы тамъ держитесь какъ можете. Настанетъ и уже близиться время когда и мы скажемъ: „Слава свободному солнцу Славянъ! Слава Руси!“

Быть можетъ это письмо много пособствовало пробужденію надежды на присоединеніе Верховинской и Галицкой Руси къ Чехословакіи. Слухи о такомъ присоединеніи пользовались большимъ успѣхомъ. Но исторія повернула иначе. Не сбылись завѣтные мечты карпаторусскаго народа жить въ свободной славянской республикѣ, а пришлось, благодаря преступной работѣ „мазепо-украинцевъ“ принять на свою шею новое, ужасное рабство, которое сбросимъ только упорнымъ и планомѣрнымъ трудомъ, кровавой борьбой на жизнь и на смерть! Когда только съ глазъ народа спадетъ измѣнническая слѣпота, тогда только солнце свободы засіяетъ на склонахъ Карпатскихъ горъ, колыбели русскаго народа!...

Рѣзкій свистокъ паровоза извѣстилъ, что поѣздъ, везущій „украинскихъ добровольцевъ“ силой согнанныхъ изъ свободныхъ лѣсовъ и горъ уже близко и вся живая толпа заволновалась. Тяжело дыша, поѣздъ остановился на станціи. Послѣдовали сцены прощанія родныхъ, плачъ и слезы матерей, женъ и дѣтей...

Коменданта это волновало, но онъ побоялся народа и на силу молчалъ, гуляя быстро передъ поѣздомъ и вымахивая нагайкой, будто желая оказать свою силу и власть, заключающуюся въ нагайкѣ. Народъ перенять горемъ, не обращалъ на него вниманія. Слышны были только возгласы: „А чертъ бы взялъ эту Украину!“

Краткій звукъ кондукторской трубки и послѣдовавшій рѣзкій свистокъ извѣстилъ, что поѣздъ уѣзжаетъ и увозитъ живой матеріалъ на пушечное мясо. Отчаянный крикъ толпы заглушилъ все. Поѣздъ движется. Обиженный Иванъ Копачъ, желая какънибудь отомстить, изъ окна вагона плюетъ въ лицо украинскаго коменданта. Тотъ взбѣшенный приказываетъ начальнику станціи Капку, до войны и во время войны, какъ патріоту говорившему всегда только по-польски а во время „Украины“ слѣвавшемуся заѣлымъ „украинцемъ“, чтобы остановилъ поѣздъ, онъ хочетъ „бунтовщика“ на мѣстѣ наказать. Раздались свистки, приказывающіе пріостановленіе поѣзда, жандармъ бѣжитъ въ слѣдъ за поѣздомъ и хочетъ попасть въ вагонъ, гдѣ ѣдетъ „доброволецъ“ карпатскихъ горъ. Поднялся адскій шумъ.

— „Люди! Тотъ звѣрь хочетъ избить нашего человека! Не дадимъ избивать нашихъ дѣтей, какимъ то заволокамъ!“ — скомандовалъ какой то старшаго возраста крестьянинъ и толпа бросилась на защиту. Адскій шумъ еще увеличился. Комендантъ зоветъ на помощь жандармовъ, тѣ, не желая обагрить себя рукъ братской кровью, улечиваются куда попало. Не было другого исхода, какъ ѣхать коменданту дальше и на слѣдующей станціи въ Стрѣлкахъ-Топольницѣ позвать жандармовъ на помощь Впрочемъ взволнованный народъ былъ бы навѣрно самъ расправился съ украинскимъ комендантомъ, если бы

тотъ не уѣхалъ съ транспортомъ. Тѣмъ только и спасъ свою шкуру.

* * *

Когда на станціи насталъ покой и народъ разошелся по домамъ, отправился я погулять по селу. Пошелъ по направленіи части села, которую звали „Конецъ“. Похожу мимо табачнаго магазина. Захотѣлось покурить, а такъ какъ жидъ обѣщалъ мнѣ достать русскій табакъ Асмолова, зашелъ я въ его лавку-кабачокъ. Входя я спросилъ:

— „А Асмоловскій есть?“

— „Есть“ — отвѣтилъ жидъ. „Но я его только штукой сохранилъ. И дѣти перепугались“.

— „Какъ такъ?“ — спросилъ я.

— „Да такъ, что и самъ не знаю. Бывало, война была всемірная и разныхъ офицеровъ я видѣлъ, и нашихъ австрійскихъ, и мадьярскихъ, тѣ много издѣвались надъ народомъ, и германскихъ я видалъ, и русскихъ козаковъ, и турецкихъ, но все-таки, хотя и случалось кое-что поганое, то человѣкъ зналъ, что это врагъ. А теперь въ эту войну то я не понимаю! Это офицеры? Нѣтъ! Это разбойники и больше ничего. Насиліе и разбой! И не знаешь кому жаловаться. Злодѣй на злодѣѣ ѣдетъ и злодѣемъ погоняетъ. Это Украина?“ — спросилъ жидъ.

— „Въ чемъ же дѣло?“ — спросилъ я.

— „Да какъ въ чемъ дѣло? Привезъ я вчера вечеромъ изъ Турки табакъ и вино. Не успѣлъ еще и сѣсть, вдругъ, смотрю входитъ офицеръ, капитанъ. Ну думаю, офицеръ и къ тому капитанъ не сдѣлаетъ обиды, человѣкъ такъ сказать интеллигентный. Но смотрю, а за капитаномъ входятъ прапорщикъ и два солдата. Сразу меня заморозило. Будетъ плохо, подумалъ я и сталъ думать, какъ бы отъ бѣды безъ бѣды отвязаться. А капитанъ и спрашиваетъ: „Вино

у тебя есть, паршивый?" Какой я вамъ паршивый? спросилъ я. А вина у меня нѣтъ! — „Брешешь, такой а такой . . . сынъ! И вино и русскій табакъ ты сейчасъ привезъ. Мы все знаемъ“. — Ну, если есть, то за деньги, а даромъ я не дамъ. Не успѣлъ я отвѣтить, какъ вдругъ капитанъ взмахнетъ нагайкой и меня по плечу. Хотѣлъ было закричать, но дѣти спали, жаль ихъ напугать, потерпѣлъ и говорю сквось слезы: Зачѣмъ бьете? Это разбой! . . . а говорятъ, что сейчасъ свобода, Украина . . . А онъ меня опять нагайкой, я и согнулся и застоналъ. Пробудились дѣти и пошелъ плачь. А капитанъ стоитъ и смѣется и наконецъ приказываетъ солдатамъ взять винтовки и намѣрить мнѣ и женѣ прямо въ грудь. У меня не хватило духа. Бѣду я видѣлъ тоже, на войнѣ былъ, но такъ еще никогда не испугался. Винтовки передъ нашими глазами, а капитанъ и прапорщикъ хозяйничаютъ въ моемъ домѣ. Открыли шкафъ, вынули нѣсколько бутылокъ вина, табакъ и что только имъ понривилось, хлѣбъ, сардинки, ну и уже самъ не знаю, что попало подъ ихъ руки, передали солдатамъ и сами взяли, а капитанъ говорить: „Вотъ тебѣ, жиде, украинская свобода! Ищи правды, гдѣ хочешь! „Гитенъ шабесъ!“ — сказалъ офицеръ и далъ знакъ солдатамъ, чтобы уходили. Капитанъ былъ уже у дверей, вдругъ улыбнулся, подошелъ ко мнѣ, вынулъ изъ кармана одинъ пакетъ табаку изъ того, что сейчасъ изъ моего шкафа ограбилъ, подаль мнѣ и говорить: „Знай, жиде, что я хорошій человекъ, знаю, что любишь ты русскій табакъ, вотъ тебѣ, покуришь послѣ шабеса.“ Вотъ и этотъ табакъ я и сохранилъ для васъ. Ну и что вы скажете на такіе порядки, на такую Украину, гдѣ самъ панъ, капитанъ грабитъ и воруетъ и суда нѣту? — спросилъ чуть ли не сквось слезы жидокъ, владѣлецъ кабачка.

— „Сами себя разворуютъ, ограбятъ бѣдный народъ и уйдутъ къ чертямъ на кулички и распадется „Западно украинская республика“ и слѣда по ней не останется — это положительно“ — сказалъ я, уплатилъ тридцать коронъ за Асмоловскій и ушелъ домой.

Такихъ случаевъ украинскаго произвола не списалъ бы и на воловой шкурѣ, потому ограничусь только на одномъ образкѣ произвола офицеровъ славной „галицко-украинской“ арміи, достаточно характерный для отношеній на „західной Украинѣ.“

* * *

Наборъ на украинскую военную службу проводили украинскіе комиссары чуть ли не каждый мѣсяцъ, а все это безъ приказа на письмѣ, а прямо жандармы шли и гнали народъ по нѣскольکو разъ, будь онъ даже настоящій инвалидъ всемірной войны, все равно. Иди къ наборной комиссіи, передъ какого-тамъ студента или санитета австрійской службы, который рѣшить о твоей способности къ военной службѣ. Самъ я, пишущій эти воспоминанія, принужденъ былъ, не смотря на то, что и австрійскія власти меня какъ „политически неблагонадежнаго, руссофила и талегрофца“ во виду моего сердечнаго порока не могли признать способнымъ къ позиціонной службѣ, а только какъ неспособнаго къ службѣ съ ружьемъ опредѣлили къ группѣ „С“ т. е. канцелярской, (Несмотря на это я все-таки былъ продолжительное время на передовыхъ мѣстахъ австро-итальянскихъ позицій, гдѣ меня придѣлили къ постройкѣ окоповъ, проволочныхъ огражденій и проч. тяжелыхъ работъ подъ огнемъ итальянскихъ орудій) и несмотря на то, что я служилъ во время „украинской анархіи“ на желѣзно-дорожной службѣ

и уже потому только былъ осмотренъ документомъ „украинской влады“, что я какъ чиновникъ желѣзнодорожной службы, исполняющій одну изъ важнѣйшихъ службъ (Экспедиція такъ званыхъ „черепахъ“) освобождаюсь отъ военной службы, все-таки меня беспокоили и гнали на наборъ. Навѣрно панъ Ильницькій хотѣлъ досолить ненавистному „кацапу“, и потому меня на силу гналъ передъ лицо всесильныхъ комиссаровъ. Пришлось мнѣ, не меньше ни больше какъ полныхъ шесть разъ появиться передъ комиссіей. Цѣлая самостійная не прожила больше полтора года! Все я это переносилъ, а дивное поведеніе „властей“ толковалъ себѣ тѣмъ, что это люди неопитные, не знающіе, что это республика, что свобода и, пользуясь властью и силой, дѣлають только личныя сдѣлки и набивають свои карманы деньгами, за что послѣ развала Украины покупають въ Австріи, Германіи а даже Чехословакіи дома, винницы, имущества, даже помѣстья. Все-таки хозяйничаніе украинцевъ, наконецъ, и мнѣ надоѣло и когда меня вызвали уже шестой разъ къ набору, я рѣшилъ протестовать и пріѣхавъ въ Турку, зашелъ прямо къ комиссару Рѣпецкому, сыну доблестнаго нашего галицко-русскаго патріота, автора превосходной народной, иллюстрированной исторіи Руси, изданія Дуды, чтобы рѣшительно запротестовать противъ безправія и безголовья въ комиссарскомъ вѣдомствѣ. На это комиссаръ замѣщавшій отсутствовавшаго моментально Рѣпецкаго, заявилъ мнѣ слѣдующее:

— „Эти приказы вы не обязаны слушать и исполнять. Это приказъ для простыхъ мужиковъ. Ихъ нужно постоянно подгонять, а то вы ихъ отравили вашей кацапской наукой и они не хотятъ признавать нашей Украины. На васъ мы не рассчитываемъ“.

— „Возможно,“ — отвѣтилъ я — „мы для васъ

какъ бывало и для австрійцевъ неблагонадежны. Но зачѣмъ вы насъ беспокоите? Если мы неблагонадежны, оставьте насъ въ покоѣ, а призывайте своихъ украинскихъ героевъ, что сидятъ по селамъ, на поповствахъ своихъ отцевъ, вооруженные отъ головы до ногъ, и не торопятся на защиту Украины. Жаръ вы хотите только чужими руками загребать. Почему сидятъ спокойно поповичи-украинцы по домамъ, а меня и моихъ братьевъ беспокоите? Далеко такъ не зайдете. Достаточно указать нашему крестьянству: „Вотъ, братъ, посмотри на украинскихъ паничиковъ! Сидятъ по домамъ, ѣдятъ, пьютъ, гуляютъ, а тебя на войну выгоняютъ, за Украину борются, головы класть...“ И что тогда случится? Ни силой, ни угрозами не соберете арміи. Всѣ разойдутся по домамъ; „Отъ головы рыба воняетъ!“

По телефону кто-то позвонилъ, комиссаръ послушалъ, притворяясь вѣжливымъ, извинился и ушелъ съ улыбкой въ смежную комнату. Я остался въ дуракахъ и не зналъ, что дѣлать. Черезъ четверть часа появился какой-то молодой подкомиссаръ и заявилъ: „Комиссара Рѣпецкаго вы напрасно ожидаете, его вызвали въ срочномъ дѣлѣ въ Самборъ... онъ уѣхалъ“.

— „Но а какъ же быть съ наборомъ? Каждый мѣсяць таскаться къ вамъ на комиссію?“ — спросилъ я взволновано.

— „Наплевать на все и на вся!“ — посоветовалъ подкомиссаръ — „будьте себѣ сами какъ хотите! Если жандармъ къ вамъ зайдетъ, угостите его, скажите: „хорошо! поѣдемъ!“ — и никуда не трогайтесь изъ дому, а все будетъ благополучно. Украина не такая плохая республика, нужно только умѣть жить“... — прибавилъ молодой человѣкъ съ улыбкой на своемъ толстомъ лицѣ и улетичился за дверь, которая скрывала и главнаго помощника комиссара въ своихъ таинствен-

ныхъ объятіяхъ. Я минутку постоялъ, подумалъ и ушелъ изъ пріемраго зала турчанскаго комиссара папа Рѣпецкаго.

По дорогѣ думалъ: „Вотъ тебѣ и Украина! Дѣйствительно, безъ попа, холопа и пана! Вотъ уважаніе и пониманіе власти!“ И этотъ случай сказалъ мнѣ многое, а главное: „Дни жизни незаконно рожденнаго ребенка „Западно-украинской Народной Республики“ сочтены. Скоро все распадется. Но что будетъ? Въ Россіи нѣтъ еще порядка. Попадетъ наша Русь опять подъ гнетъ, очутится въ кандалахъ рабства и порабощенія. А все это только благодаря народной измѣнѣ мазепо-украинцевъ, которые измѣнили русскому народу, пропагируя германскую идею разьединенія русскихъ на два народа, московскій и украинскій и ненавистью, ложью, подлой клеветой запалившихъ нашъ карпаторусскій народъ, погнавшихъ его на смерть, и цѣной неповинной крови добывавшихъ себѣ богатства и имущества на сытую жизнь далеко за границей. Вотъ до чего доборолась Украина! Вотъ картина изъ подъ „желто-блакитнаго“ знамени. Народъ сейчасъ стонетъ, плачетъ и горько рыдаетъ, а паны комиссары гуляютъ, пьянствуютъ, кутятъ въ объятіяхъ надушенныхъ, за кровавыя мужицкія деньги, шансонетокъ, по разнымъ вѣнскимъ, берлинскимъ, пражскимъ кафэ-шантанамъ!

* * *

Какъ я сказалъ выше, во время „Украины“ служилъ я на желѣзной-дорогѣ. Однажды сѣлъ я возлѣ телеграфа и задумался. Гробовая тишина царить кругомъ. Вдругъ заговорилъ телеграфъ:

— „Та, та, та, тааа . . . та, та, та, тааа та, та, та, таааа . . .“ выстукиваетъ, призываетъ къ себѣ, пойдетъ какое то циркулярное сообщеніе. Кончилось наконецъ довольно долго продолжавшееся, моно-

тонное и скучное выстукиваніе телеграфа: „та, та, та, тааа . . . та, та, та, тааа . . . та, та, та, тааа . . .“ послѣдовалъ значокъ извѣщающій, что циркулярное сообщеніе касается линіи Самборъ—Сянки, всѣ станціи пригласились и послѣдовала телеграмма. Извѣщали, что пойдетъ изъ Самбора въ Ясеницу замковую экстренный военный поѣздъ. Не уступая передъ любопытствомъ, всѣ станціи стали спрашивать, какой это экстренный поѣздъ, и узнали, что ѣдетъ транспортъ „козаковъ“, который изъ Ясеницы замковой пѣшкомъ отправится на позицію подъ Лютовиска. Это насъ немного обезпokoило, тѣмъ болѣе, что Лютовиска не такъ далеко, а разъ ѣдутъ козаки, такъ значить, что поляки уже недалеко. Но война приучила ко всему, такъ и наше безпокойствіе скоро прошло. Мы только съ нетерпѣніемъ ожидали приѣзда поѣзда, хотѣли поскорѣе узнать, какой это козацкій транспортъ ѣдетъ къ намъ, въ наши Карпаты.

Послѣ обѣда, въ часа кажется два съ половиной, тяжело дыша и пыхтя, отпуская большіе клубы пара, вкатился длинный поѣздъ на станцію и остановился передъ нашими полными любопытства глазами. Я однимъ взглядомъ посмотрѣлъ на поѣздъ и пошелъ въ контору, дать извѣщеніе въ сосѣдную станцію, что поѣздъ уже у меня. Не успѣлъ кончить не большую телеграмму, входитъ въ контору молодой, съ огорѣлымъ отъ роду лицомъ офицеръ, въ чинѣ капитана, комендантъ транспорта.

— „Говорите по-русски?“ — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— „Попятно, говорю, вѣдь я русскій . . . Чѣмъ могу служить?“

— „Очень пріятно, присядемъ, покуримъ . . .“ и предложилъ мнѣ желтый какъ воскъ, какъ тоненькій волосъ — русскій табакъ.

— „Вотъ я съ моими козаками їду на позиціи подъ Лютовиска. Солдатъ нужно покормить. Скажите пожалуста, нельзя ли здѣсь въ poblзости кое что получить... заняться реквизиціей?“ — спросилъ капитанъ, который на меня произвелъ прїятное впечатлѣніе.

— „Да, прокормить то надо, только у насъ народъ бѣдствуетъ, картошкой только да овсяной мукой кормится... да и этого нехватаетъ...“

— „Я не на счетъ народа“ — перебилъ капитанъ — „тѣ уже долго и много давали. Германцы и австрійцы ихъ здорово обобрали. Нѣтъ ли у васъ польскихъ помѣщиковъ или богатыхъ евреевъ?“

— „Польскихъ то помѣщиковъ нѣтъ, земля слишкомъ бѣдная, такъ и они не лѣзутъ въ наши горы... а если и есть владѣлецъ, то живетъ заграницей, а съ нашихъ горъ лѣса качаетъ и гуляетъ... Евреевъ то найдете, у нихъ найдется все, что только душа захочетъ. Надо только немного порыться, а то скрываютъ...“

— „Хорошо! Найдемъ! Мои козаки на это дѣло молодцы-спеціалисты! Укажите только, гдѣ самый удобный уловъ“ — спросилъ капитанъ.

Я ему указаль, гдѣ по пути въ Лютовиска можно солдатъ покормить, послѣ того развязался разговоръ другого характера.

— „Простите за откровенность, господинъ капитанъ, вы „украинецъ“? — спросилъ я капитана. Онъ широко улыбнулся, отдулъ высоко сѣренькій дымъ, постучалъ пальцами по столу, немного подумалъ и отвѣтилъ:

— „Я дѣйствительно „украинецъ“. Я изъ великой Украины, но не такой какъ ваши галиційскіе „украинцы“. Я русскій православный человѣкъ, а не самостійникъ. Мы безъ Россіи, не мы... Россія

безъ насъ, не Россія. Что Богданъ сдѣлалъ, это для насъ свято! На войну идемъ подъ „желто-блакитнымъ“ знаменемъ, но это не обозначаетъ, что мы „самостійники“. Россія сейчасъ разбита, и намъ куда ни посмотри нужно бороться... Все равно Россія подымется и соберетъ всѣ русскія земли въ единое... Мы пока съ кѣмъ бы не дрались, деремся за наше право и свободу... Полякъ нашъ отвѣчный врагъ, и мы должны бороться съ ними подъ какимъ бы то ни было знаменемъ. Знамя скоро промѣняемъ на трехцвѣтное. А жизнь отдать за русское дѣло все равно... много умираетъ и подъ краснымъ знаменемъ... но всѣ за одну идею... за единство русскаго народа... Только ваши галицкіе „украинцы“ загорѣлись идеей „самостійности“, блуждаютъ, сами не знаютъ, какъ имъ быть и только тормозятъ общее дѣло... Когда просвѣтится ихъ умъ, Богъ вѣсть, но я не отчаиваюсь...“

— „Дѣйствительно, пропаганда самостійности веденная австро-польскими политиками и германскимъ правительствомъ среди нашего народа дѣлаетъ много, много зла... Наши украинцы возненавидѣли все что русское, что только Русью пахнетъ... Вотъ это наше горе!“

— „Русь неразрушимая! Пройдетъ болѣзнь и станемъ всѣ въ одной великой, могущей семьѣ!“

— „Чего дай Богъ дожить!“

Черезъ полчаса провожалъ я козаковъ, настоящихъ „украинцевъ“ и ихъ капитана, которые шли сражаться съ поляками подъ „желто-блакитнымъ“ знаменемъ съ сердечной мыслью и великимъ лозунгомъ: „За Русь святую, недѣлимую, единую!“

Узналъ я послѣ, что козаки не обижали нашихъ крестьянъ, не грабили, не воровали, а прокормились только у жидовъ реквизируя и въ польскомъ мона-

стырѣ, выросшемъ на русской землѣ только для цѣлей полонизаціи и латинизаціи, въ Ломнѣ, конфисковали большіе запасы продовольствія, такъ для солдатъ какъ и для лошадей. Крестьяне говорили послѣ ухода козаковъ: „Это не украинцы... это такіе же козаки какъ тѣ, что были въ 1914 году, изъ Россіи, люди наши, добрые братья... а не то, что тѣ поганые галиційскіе „мазепо-украинцы“ такъ званные „сѣчовые стрѣльцы“, которые только и грабили и вѣшали нашъ русскій народъ.

* * *

Повѣяло уже весеннимъ вѣтерочкомъ, солнышко обняло пробудившуюся послѣ зимнаго сна землю и веселило свѣтъ, людей, звѣрей, травку, всю вселенную. Настала долгожданная весна. Въ нашихъ горахъ появился молодой человѣкъ, прапорщикъ Симковъ, родомъ откуда-то изъ-за Львова, кажется изъ уѣзда Рава Русская. Симковъ былъ придѣленъ для сбора продовольствія, такъ для солдатъ, какъ и для лошадей... функція довольно непріятная... иди и грабь по приказу... Людей того рода народъ, понятнo, не любилъ. Но нашего Симкова скоро всѣ полюбили. Не знаю почему, но его никто не считалъ „украинцемъ“, съ нимъ откровенно говорили, какъ съ своимъ человѣкомъ, онъ несмотря на то, что производилъ реквизиціи, былъ крестьянами любимъ, передъ нимъ крестьяне не скрывались съ своимъ имуществомъ по лѣсамъ, словомъ этотъ человѣкъ былъ очень интересный. Онъ особенно держалъ съ крестьянами, у которыхъ почти никогда ничего не реквизировалъ, онъ довольствовался тѣмъ, что нашелъ у богатыхъ евреевъ, у торговцевъ и польскихъ „пановъ“. Вотъ и потому крестьяне его любили!

Въ сосѣдней деревнѣ Яворѣ былъ „паномъ“ какой то выхрестъ-жидъ-полякъ, фамиліи не помню.

У него было большое имущество, особенно много было у него скота, сѣна, картофеля и проч. что для веденія войны очень важно и цѣнно. Съ этого помѣстья и начались реквизиціи.

Симко заѣхалъ въ село Явора, призвалъ сельскаго старосту-войта и сельскаго префекта, то есть начальника сельской „шляхотской“ общины и объявилъ имъ, что съ слѣдующаго дня начнется реквизиція продовольствія для арміи, которая стоитъ подъ Лютовисками.

Выслушали оба сельскіе начальника печальное для нихъ и ихъ села извѣщеніе, почесались за ухомъ, другъ на друга посматривая, покосились на прапорщика Симкова и въ духъ послали его ко всѣмъ чертямъ. Прапорщикъ это замѣтилъ, привѣтливо улыбнулся и спросилъ:

— „Что, вамъ не нравится реквизиція?“

— „Да какъ бы нравилась... Давай, да давай... Уже сколько лѣтъ, а все только давай! А все только мужикъ, а жидъ да панъ „экстра“... Съ нихъ не берутъ, хотя тамъ и есть что брать, а съ насъ и послѣднее тянуть...“ заступился префектъ.

— „Жаль, что народъ обманываютъ... Говорятъ, что свобода, какая то „Украина“, а то одинъ чертъ! Нѣмцы, австрійцы, венгерцы или украинцы... это одинъ возъ на четырехъ колесахъ. Съ бѣднаго крестьянина и послѣднюю кожу бы содрали...“ — прибавилъ съ горячью войтъ.

— „Ну, ну только тихо... Я не изъ тѣхъ, что грабятъ тамъ, гдѣ нечего брать. Бери отъ того, у кого много! У васъ забрали все австрійцы, венгерцы и германцы, такъ уже нечего у васъ брать. Пойдемъ туда, гдѣ кое-что найдемъ. Есть ли у васъ помѣщикъ? Есть! я знаю, мнѣ уже говорили добрые люди. Пойдемъ туда, а послѣ найдемъ еще кое-кого.

Корчмарей у васъ достаточно, а всѣ они зажиточные. Отъ народа я не беру, набрались съ васъ здорово. Только бѣда тому изъ крестьянъ, кто дермить не съ крестьянами. Позовите на завтра людей на помощь, только самыхъ честныхъ и порядочныхъ людей, чтобъ помогали при надзорѣ... для работы, накла-
дать зерно и картофель въ вагоны, гнать скоть на позицію и прочее, найдется матеріаль подходящий... Тѣ, кто еще не работалъ... Мои жандармы пройдутся утромъ по селу и соберутъ всѣхъ бѣлорукихъ жидиковъ... только ваши люди пусть помогаютъ и указываютъ, гдѣ скрываются работники...“ — приказалъ прапорщикъ, поговорилъ еще кое о чемъ съ крестьянами, простился и отправился къ священнику Стояловскому, который его пригласилъ на ужинъ.

— „Вотъ, это будетъ нашъ человѣкъ! Съ нами одна душа, Насъ не станеть грабить... съ жидовъ собереть... и, вѣрно... съ нихъ никто не бралъ столько, сколько съ насъ...“ — сказалъ войтъ, когда прапорщикъ скрылся за воротами поповскаго дома.

На слѣдующій день утромъ зашумѣло въ селѣ. Шумъ, крикъ, лай, ругань раздавались со всѣхъ концовъ. Какалось опять новое нашествіе дикихъ венгерцевъ. На этотъ разъ наоборотъ, шумѣли, плакали, кричали не наши русскіе верховинскіе крестьяне, а паны пейсатые, жидики и полячки, безъ пайсовъ, но со значкомъ. Жандармы выгоняли ихъ всѣхъ и гнали во дворъ пана помѣщика. Кто изъ набранныхъ рабочихъ не слушался, помогла нагайка, или здоровый ударъ прикладомъ. Жиды кричали и стонали, проклиная, а крестьяне смѣялись а одинъ, кажется, Фединичъ его фамилія, приговаривалъ:

— „Вотъ вамъ пейсатые за насъ. А забыли какъ насъ били въ 1914 году? Достанетъ разъ на-

гайкой и сейчас оретъ, какъ будто на него дерево упало. Бога поблагодари, что мы не мстимъ вамъ, и не бросае́мъ въ васъ камней какъ вы на насъ бросали... а то не такъ бы ревѣли... Поработаете, поработаете, наложите хлѣбъ-зерно и картошку, а вечеркомъ, когда кончите работу, прійдетъ прапорщикъ и вамъ за работу заплатитъ, самъ говорилъ...“

Когда наконецъ кончилась нагрузка хлѣба, солдаты собрали всѣхъ жидовъ въ одну кучку, поставивъ ихъ по военному, два и два и приказали ждать прихода прапорщика Симкова, который послѣ полчасоваго ожиданія появился передъ ожидающими работниками-жидами.

Одинъ изъ солдатъ доложилъ, что работа кончена и, что жи́ды ожидаютъ платы за потерю рабочаго дня. Припорщикъ улыбнулся и, обращаясь къ одному изъ солдатъ, приказалъ: „Какъ платили въ другихъ селахъ, такъ и здѣсь заплатимъ, одинаковая работа, одинаковая и плата!“

— „Жи́ды!“ — приказалъ вызванный солдатъ, работа кончилась, нашъ панъ комендантъ доволенъ и приказываетъ вамъ заплатить. Мы платимъ такъ, послушайте только хорошенько, чтобы знали, а то если кто не сдѣлаетъ такъ какъ приказываетъ нашъ законъ, бѣда будетъ. Поснимайте всѣ шапки, поклоняйтесь пану коменданту и громко говорите: „Пане прапорщикъ! Спасибо, что цѣлый день работали, зерно и картошку до вагоновъ накладали а теперь за тое плату получили, вамъ до ногъ поклонъ дали. Такъ три раза поклонитесь и уберитесь къ чертямъ!“

Жи́ды почухались за ухомъ, подумали, подумали и хочъ-не-хочъ, въ поясъ поклонились, формулу благодаренія дрожа повторили, только одинъ изъ нихъ не поклонился.

— „Ты не хочешь поклониться?“ — спросилъ

солдатъ и потянулъ жида нагайкой здорово по плечу, и прибавилъ: „Если не хочешь, такъ еще самъ одинъ, отдѣльно поклонись, собачій сыну.“ Радъ не радъ, подѣ влѣянiемъ нагайки, поклонился жидокъ три раза. Собирались уходить, но вдругъ одинъ изъ солдатъ обратился къ прапорщику:

— „А коровъ то на позицію, кто будетъ гнать?“

— „Ясное дѣло... жида...“ — рѣшилъ прапорщикъ и сейчасъ отсчитали шесть человѣкъ жидовъ для транспорта коровъ въ Лютовиска.

Загальдѣли жида... „У насъ шабесъ... намъ въ шабесъ нельзя работать“... Но не помогли протесты, подѣ угрозой нагаевъ должны были жида гнать коровы до сосѣдняго села Розлуча, гдѣ ихъ смѣнили другими евреями, и такъ отправился транспортъ на позицію. Въ Ясеницѣ замковой опять перемѣна транспорта и такъ дальше до самой позиціи. Было старались жида откупиться и подплачивали крестьянъ, чтобы гнали коровъ вмѣсто нихъ. Солдаты будто соглашались, а когда жидъ заплатилъ, пропускали и жида и крестьянина, а брали другого жида изъ мѣстныхъ жидовъ. Много насмѣялись крестьяне изъ этого транспорта, многіе получили довольно большіе суммы, а все таки жида и только жида догнали коровъ на позицію.

Въ общемъ прапорщикъ Симковъ отличался антисемитизмомъ, а это крестьянамъ очень нравилось. Крестьяне считали это оплатой за время австро-венгерскаго владычества, когда всю тяжесть войны несъ на своей спинѣ нашъ русскій мужикъ, а жида принадлежали къ привилегированной кастѣ...

Долго помнили крестьяни прапорщика Симкова и много осталось по немъ разсказовъ, но я не собираюсь о нихъ распространяться, сдѣлалъ только маленькій намекъ, чтобы указать, что нравилось

нашимъ крестьянамъ изъ временъ западной само-
стойной Украины...

* * *

Какъ то понадобилось мнѣ поѣхать въ столицу западно-украинской республики въ Станиславовъ. На тотъ разъ я не дѣлалъ себѣ „пропуска“ самъ, потому, что получилъ офиціальныи приказъ появиться въ желѣзно-дорожной дирекціи, для чего я получилъ специальную бумагу на дорогу. Сѣлъ въ поѣздъ и беззаботно ѣду. Проѣхалъ Самборъ, доѣхалъ въ Стрый. Въ Стрый долженъ былъ ожидать дальнѣйшаго сообщенія, зашелъ въ ресторанъ, сѣлъ и ожидаю. Черезъ четверть часа пріѣхалъ поѣздъ изъ Львова, собственно изъ направленія Львова, потому, что Львовъ въ это время заняли уже поляки. Средѣ пріѣхавшей публики шумѣло. Всѣ о чемъ то спорили, прямо ругались. Долго не могъ я разобрать въ чемъ дѣло. Наконецъ присѣлъ ко мнѣ какой то пожилой господинъ, пріѣхавшій названнымъ поѣздомъ, глубоко отдохнуль, вытеръ платкомъ лобъ, обратился ко мнѣ и откашлянувъ сказалъ:

— „Вотъ и это порядки въ республикѣ! На славной западно украинской!“

— „Въ чемъ дѣло?“ — спросилъ я.

— „Да вотъ въ чемъ дѣло...“ — отвѣтилъ пожилой господинъ. — „Я сейчасъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ужаснаго происшествія, насилія... Много видалъ, много слыхалъ за все время ужасной всемірной войны, но чего то подобнаго не приходилось мнѣ встрѣчать...“ — Выступившій на лбу крупный потъ, пожилой господинъ вытеръ широкимъ платкомъ и продолжалъ — „Убить человѣка, чинивника, отца быть можетъ нѣсколькихъ дѣтей — такъ ни за что, ни про что и безъ суда, такъ сказать —

на свободную руку какого то молокососа коменданта — вѣдь это возмутительное преступленіе! Хуже! Это настоящее варварство достойно турковъ и татаръ, старыхъ временъ дикихъ наѣздовъ татарскихъ ордъ.“

— „Да скажите, что собственно случилось?“ — спросилъ я заинтересовавшись сказаннымъ.

— „Ѣдемъ мы отъ стороны Львова... Какъ вамъ извѣстно, сейчасъ путешествовать не принадлежитъ къ пріятностямъ или удовольствіямъ. Прямо ужасъ! И желѣзно-дорожные возы разбиты и не топятъ въ нихъ въ холодное время, да приходится много разъ по разнымъ станціямъ долго ждать, будто на дрова, которыхъ не успѣли еще доставить изъ лѣса прямо, будто не хватаетъ воды для паровоза, которую нужно изъ довольно отдаленной рѣчки наносить ведрами и такъ всевозможныя препятствія и непріятности... Вотъ и Ѣдемъ сейчасъ. На какой то станціи, не помню названія, объявляетъ желѣзно-дорожный чиновникъ, что прійдется немного подождать, пока будутъ доставлены дрова нужные для паровоза для дальшаго пути до Стрия. Всѣ путешествующіе, сознавая тяжесть положенія, волей неволей, согласились съ непріятной необходимостей подождать, беззаботно стали размѣщаться на своихъ мѣстахъ, принимаясь ожидать дальнѣйшаго продолженія путешествія. Самъ я прижался въ углу воза и задумалъ немного вздремать.

Вдругъ слышу громкій крикъ. Выглядываю и глазамъ своимъ не хочется вѣрить. Какой то молодой офицеръ кричитъ бѣшено и ругается съ желѣзно-дорожнымъ чиновникомъ. Я слышалъ послѣднія его слова: „Но, это мое послѣднее слово! Если черезъ десять минутъ не двинется съ мѣста поѣздъ, такъ я тебя убью на мѣстѣ какъ собаку!“

— „Помилуйте“ — извиняется чиновникъ —

„это не отъ меня зависитъ, нѣтъ дровъ, какъ разъждемъ и если бы и уже сейчасъ были дрова на мѣстѣ, раньше полъ часа нельзя пустить паровозъ въ движеніе, пока не согрѣется какъ слѣдуетъ вода.“

И случилось, что глазамъ не хотѣлось вѣрить... Молодой офицеръ, весь покраснѣвъ отъ злости, вынулъ револьверъ, приставилъ прямо въ грудь чиновнику, заревѣлъ бѣшеннымъ голосомъ:

— „Я приказываю! Поѣздъ долженъ черезъ десять минутъ двинуться съ мѣста!“

— „Это исключено!“ — отвѣтилъ чиновникъ самоувѣренно и бодро.

— „Гримъ! — и палъ выстрѣлъ изъ револьвера, изъ рукъ „украинскаго“ офицера, чиновникъ заколыхался, его тѣло подкосилось и черезъ минуту лежала мертвая жертва украинскаго произвола и своеволія на грязномъ желѣзно-дорожномъ полотнѣ.

На станціи зашумѣло... всѣ взволновались, но „юный герой“ не потерялъ духа и нахальства. Призвалъ транспортъ своихъ солдатъ, и подъ угрозой пулементовъ принудилъ всѣхъ пассажировъ садиться мирно въ возы, что продолжалось такъ долго, пока не были доставлены дрова.

Наконецъ то послѣ ожиданій, паровозъ, снабженный дровами, надѣлалъ себѣ нужный паръ и мы медленно двинулись впередъ съ печальнымъ сознаніемъ, что на нашихъ глазахъ былъ убитъ невинный желѣзно-дорожный чиновникъ, былъ убитъ „украинскимъ офицеромъ“, офицеромъ „свободной западно-украинской республики“!

И какъ здѣсь не возмущаться и не волноваться! Такіе молокососы убиваютъ безнаказанно невинныхъ людей... а толпа, слѣпая, глухая толпа разинувъ ротъ, только и смотреть что творится кругомъ и все молчить да молчить. Меня прямо возмутило, когда

смотрѣлъ на юнаго убійцу, который съ видомъ національнаго героя выступилъ изъ поѣзда и гордо подошелъ къ своей „сотни“... Удивляюсь, что народъ, а собственно всѣ пассажиры на столько были загипнотизированы нечеловѣческимъ и неофицерскимъ убійствомъ мальчишки, „украинскаго офицера“, что на мѣстѣ не сдѣлали съ нимъ расправу и народнымъ судомъ не казнили преступника. Массу можно скорѣе простить и оправдать, — но украинскаго офицера-убійцу не посмѣлъ бы оправдать ни одинъ, даже украинскій, судъ!“ — договаривалъ рассказчикъ печальнаго и скандальнаго происшествія.

Служащій портиръ вышелъ изъ смежнаго зала, колокольчикомъ позвонилъ и объявилъ, что поѣздъ по направленіи Станиславова стоитъ готовъ и призвалъ пассажировъ занимать мѣста. Я простился съ незнакомымъ господиномъ, который ѣхалъ по направленіи Самбора, и занялъ мѣсто въ поѣздѣ, который долженъ меня довести въ сердце „Западной Украины“ въ Станиславовъ.

Въ Станиславовъ пріѣхалъ я какъ то утромъ, часовъ въ восемь съ половиной. Городъ самъ сдѣлалъ на меня довольно хорошее впечатлѣніе, хотя и мѣстами часть города носила больные пятна поврежденія, слѣды то и результаты-итоги грозной многокровной міровой войны, которая на Галицкой Руси больше всего больно отразилась и оставила безчисленное количество кровавыхъ пятенъ и много другихъ, ужасныхъ и печальныхъ слѣдовъ австро-венгерско-германско-украинскаго вандализма.

Городъ городомъ, и еслибъ онъ былъ самымъ замѣчательнѣйшимъ городомъ „Западной Украины“, челоѡѡку, пріѣхавшему по дѣламъ, некогда восхищаться городомъ, некогда осматривать его достопримѣчательности. Цѣлый день былъ я занятъ

своими дѣлами, а только вечеркомъ, желая немного отдохнуть зашелъ въ какой то ресторанъ или вѣрнѣе „кафэ“, въ дѣйствительности же это былъ „кафэ-шантанъ“, куда въ это время собиралось множество украинскихъ офицеровъ, которые, соскучивъ на позиціи, всячески ухитрялись изъ позиціи улетучиться и очутиться въ „кафэ-шантанъ“ въ Станиславовѣ. Здѣсь было менѣе опасно, польскіе аеропланы сюди даже не долетали, а проворные и хитрые евреи охотно заботились объ угожденіе временныхъ украинскихъ хозяевъ, открыли „кафэ-шантанъ“, доставили вино и проч. удобства и сласти... не позабыли, понятно, и на хорошихъ, красивыхъ женщинъ, по большей части нѣмокъ изъ Вѣны... Это кажется признакъ нѣмецкой любви и дружбы къ „Украинѣ“ ихъ собственнаго ребенка, въ которой нѣмцы съ удовольствіемъ и наслажденіемъ посадили бы на престолъ какого нибудь Вышиваннаго, еслибы только онъ происходилъ изъ нѣмецкой Габсбургской линіи...

* * *

Какъ сказано, зашелъ я въ „кафэ-шантанъ“. Если я захожу въ кафэ, ресторанъ или подобныя учрежденія, всегда люблю сѣсть гдѣ либо въ уголокъ, чтобы быть въ состояніи всю собравшуюся публику удобно наблюдать, самому же остаться по больше незамѣченнымъ наблюдателемъ и такъ подхватить болѣе интересные и замѣчательные моменты городской жизни, ихъ попоекъ, кутежа и проч.

Въ ярко освѣщенномъ залѣ „кафэ-шантана“ я скоро замѣтилъ въ углу маленькій столикъ, у котораго не было гостя и при немъ сѣлъ и заказалъ что-то у полового. Въ залѣ было очень шумно, много сидѣло гостей, больше всего украинскихъ офицеровъ. По срединѣ большой столъ, за нимъ толпа офицеровъ, поручиковъ, надпоручиковъ, нѣсколько прапор-

щиковъ и капитановъ. Подъ стѣнкой помѣщался второй большой столъ, за которымъ сидѣли тоже только офицеры и то всѣ чиномъ выше капитана, подполковники до генерала. У всѣхъ было уже подохоченное настроеніе, у всѣхъ языки развязались, громко и шумно шла болтовня... вѣдь на столахъ стояли многочисленныя баттеріи праздныхъ бутылокъ, а новыя бутылки съ виномъ, ликерами, шампанскимъ все появлялись, новыя и новыя... Шла настоящая попойка... гуляли украинскіе офицеры на честь и славу неньки Украины. Денегъ у всѣхъ было достаточно, и австрійскихъ кронъ, и русскихъ царскихъ рублей и украинскихъ гривень да карбованцевъ. И не чего удивляться, что съ офицерами сидѣла и масса красавицъ нѣмецкаго города Вѣны. И такъ въ „кафэ-шантанѣ“ было очень шумно и весело, какъ будто и не было войны. Всѣ такъ и старались и не думать о томъ, что сейчасъ время войны, что на позиціяхъ нужно сражаться. Всѣ жили моментомъ, наслаждались виномъ, женщинами и проч. Цѣлое настроеніе усиленно поддерживала цыганская-венгерская капелла... и — весело бѣло...

Офицеры много говорили, много воспоминали изъ происшествій на войнѣ. Всего списать — нѣтъ смысла... все это только пустая самохвальба своихъ „геройствъ“, исторія насилія и беззаконія. Запишу только одинъ эпизодъ, который рассказалъ какой то среднихъ лѣтъ украинскій офицеръ въ чинѣ капитана. Это исторія очень похожа на выше записанное мной приключеніе въ еврейскомъ кабацкѣ, гдѣ капитанъ конфисковалъ у еврея русскій табакъ и прочее, только въ гараздо болѣе солидныхъ размѣрахъ.

Красный отъ вина капитанъ сталъ громко разсказывать свой разказъ: „Недѣльки двѣ тому назадъ служилъ я съ моимъ полкомъ въ городѣ Бродахъ.

Вотъ тамъ то было хорошее мѣсто... Денегъ и всякаго добра сколько угодно. Шло и много транспортовъ даже изъ Ростора на Дону. Евреи хлопотали обо всемъ и зарабатывали колоссальныя деньги. Но и намъ хотѣлось кое чего нажить. Броды, какъ граничная станція, гдѣ кончались широкія русскія рельсы, были для насъ прямо источникомъ прибыли... Всѣ товары нужно было перекладывать въ новыя возы для рельсовъ подходящихъ у насъ. При этой манипуляціи всегда кое что удалось сдѣлать. Вотъ я вамъ расскажу, что однажды случилось.

Какой то богатый жидъ, владѣлецъ большихъ магазиновъ, выхлопоталъ въ соотвѣствующихъ „нашихъ“ комиссаріатахъ разрѣшеніе купить въ Ростовѣ на Дону цѣлый возъ асмоловскаго табаку. За большіе деньги были у него въ рукахъ всѣ нужныя документы. Разрѣшеніе на покупку, на вывозъ, на перевозъ, на довозъ и Богъ еще знаетъ на что. Собралъ еврей кучу денегъ, поѣхалъ на мѣсто въ Ростовъ на Дону, купилъ вагонъ табаку и ѣдетъ, сопровождая табакъ домой, въ душѣ радуясь и считая, какую то колоссальную сумму принесетъ ему этотъ русскій табакъ. Доѣхали счастливо въ Броды. Перегрузка, — нужно табакъ изъ русскаго вагона перегружать въ австрійскій. Дорого оплаченные рабочіе принялись за перегрузку, а еврей, нервно шагая, за всѣмъ наблюдалъ. Навѣрно предчувствіе зла не давало ему покоя. Толпа солдатъ, у которыхъ не было другого дѣла какъ шлѣться по станціи, стояла позѣвая. Конечно, замѣтили перегрузку табаку. Зашумѣли, посоветовались другъ съ другомъ и рѣшили: „Табакъ мы конфискуемъ... Онъ долженъ принадлежать намъ, нашей славной Украинѣ...“ И не надумываясь долго, толпа украинскихъ солдатъ бросилась на вагонъ съ табакомъ и въ нѣсколько минутъ въ вагонѣ не ос-

талось ни слѣда, что тамъ былъ кокой то табакъ. Смѣшно не весело было смотрѣть, какъ владѣлецъ табаку, богатый еврей бѣгалъ на всѣ стороны, кричалъ, плакалъ, рвалъ волосы, бороду и пейсы, какъ просилъ и молилъ cadaго офицера не допустить чтобы его имущество, солдаты ограбили, но ничего не помагало. Офицеры смѣялись, а торговецъ еврей сталъ какъ съумасшедшій, глаза у него широко открылись... уста дрожали ужасной лихорадкой... руки дрожали а ноги подкашивались... Противно даже было смотрѣть на этого человѣка, который только что рассчитывалъ сколько онъ заработаетъ на транспортъ и доставкѣ табаку — а сейчасъ у него ни табаку, ни денегъ... все ограбили у него украинскіе солдаты, за бѣла дня, на глазахъ многочисленной толпы, на глазахъ массы украинскихъ офицеровъ... Еврей положительно сошелъ съ ума. Безпомощно сталъ и устроивъ кровью налитые глаза въ пустой возъ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ было его великое имущество, его цѣлое существованіе и цѣлая надежда. Черезъ нѣсколько минутъ подходитъ какой то солдатъ къ несчастному и, притворяясь человѣкомъ, освѣдомляется, что случилось, какое горе его постигло. Еврей не могъ промолвить ни слова а только кровью залитыми глазами и дрожащими руками указалъ на пустой возъ. Солдатъ съ насмѣшливой улыбкой спрашиваетъ: „Это вашъ табакъ ограбили?“ Еврей успѣлъ только кивнуть головой, а изъ его глазъ полились слезы... „Не горюй, не плачь старикъ, ограбили такъ ограбили... на славу Украины... А у тебя, быть можетъ, нечто закурить?... Вотъ грабили и мнѣ тоже попало кое что... но не горюй... вотъ тебѣ одинъ пакетъ настоящаго, знаменитаго, русскаго табаку асмоловскаго... На, покури, старикъ!“ Толпа солдатъ дико заревѣла, захохотала... понравилась ей

„шутка“ украинскаго солдата-грабителя... Несчастный еврей не могъ выдержать, попалъ въ обморокъ, куда то его унесли въ сторону и я уже самъ не знаю, что съ нимъ случилось, живъ ли онъ или мертвъ или умопомѣшаннымъ живетъ гдѣ либо какъ нищій еврей, Богъ вѣсть... Но намъ объ этомъ нечего суетиться... война такъ война... а слава Украины не умреть, не погибнетъ!“ — закончилъ свой разсказъ „геройскій“ офицеръ украинской арміи.

Его разсказъ очень понравился всѣмъ присутствующимъ и пирующимъ офицерамъ... а шумъ и пьянствованіе продолжалось дальше и до какихъ поръ, не могу сказать, потому, что наскучило смотрѣть дальше на украинское пиршество, и сонъ началъ брать меня въ свои объятія — я ушелъ въ гостинницу, легъ на сонъ и цѣлую ночь мерещились во сну украинскіе грабители и всѣ ихъ издѣвательства надъ несчастной галицко-русской землей и ея населеніемъ, которую то землю „украинскіе спасители“ называли „Западно украинская республика“ и надъ которой повѣсили народомъ проклятое, противное „желто-блакитное“ знамя.

* * *

На слѣдующій день послѣ обѣда сѣлъ я опять въ поѣздъ и черезъ Стрый, Самборъ добрался счастливо домой, то значитъ, меня никто не ограбилъ, но и у меня небыло что грабить ибо ничего съ собой не везъ.

Черезъ нѣсколько недѣль телеграфически перевели меня на службу въ граничную станцію Лавочное. Въ одиннадцать часовъ ночи пришла телеграмма и уже въ двѣнадцать часовъ холодная „черепаха“ увозила меня на другое мѣсто службы. Я былъ тѣмъ даже доволенъ. Вѣдь только подумать, — граничная станція — и не знаешь, какъ долго и съ кѣмъ ты

границы. Съ Венгріей, Чехословакіей или Карпатской Русью. Въ это время Карпатская Русь стояла еще подъ мадыарскимъ гнетомъ, но уже хитрые Мадыаре постарались подвести карпаторусскій народъ и будто старались создать автономную „Русскую Краину“ подъ владѣніемъ Будапешта. Но такъ какъ все время еще были на границахъ Галицкой Руси и Карпатской Руси мадыарскіе жандармы, не могло быть рѣчи о какомъ то присоединеніи Галицкой Руси къ Чехословакіи, и всѣ надежды на того рода освобожденіе нашего русскаго верховинскаго народа совершенно распались. Мадыаре все еще сидѣли, а даже въ Лавочномъ имѣли свою желѣзно-дорожную службу. Самъ я, хотя Мадыаръ за ихъ звѣрства и насилія надъ нашимъ русскимъ народомъ отъ души ненавидѣлъ, сблизился съ однимъ мадыарскимъ желѣзно-дорожнымъ чиновникомъ, откуда то изъ Сатмаръ Немети или что то похожее.

Шли дни за днями, а съ ними приходили всегда новыя и новыя происшествія, перемѣны въ связи съ распадомъ Австро-Венгріи. Черезъ нѣкоторое время мадыарскіе чиновники получили приказъ станцію оставить, а службу по ту сторону Карпатъ передать намъ. И такъ начали мы дѣлать службу и по этой и по той сторонѣ. Мадыаре уѣхали. Мы остались сами и ждали, когда подойдутъ Чехи. Наконецъ и пришли, но къ сожалѣнію только къ бывшей венгерско-галицкой границѣ и тамъ остановились, а освобождать Галицкую Русь и не думали. Поляки же все еще продолжали кровожадное наступленіе на земли русскаго Галича. Ихъ дикіе „галлерчики“ приближались и мы находились въ опасности попасть въ ужасную неволю и рабство въ польскомъ „панствѣ“ ...

Въ Дрогобычѣ, Бориславѣ, Стрыѣ было у насъ

масса народного имущества. Мы сами не знали, какъ быть, а имущество нашего народа не желали передавать отвѣчнымъ врагамъ, ненавистнымъ наѣздникамъ на нашъ родной русскій край. Мы хотѣли за всякую цѣну изъ того что у насъ имѣлось сохранить больше всего. Какъ то договорились съ чехословацкимъ комендованіемъ и тѣ намъ пошли немного навстрѣчу. Именно дали намъ къ диспозиціи два большихъ паровоза для отправки вагоновъ-поѣздовъ, цистернъ и прочаго добра въ Чехословакію, въ Карпатскую Русь, но не разрѣшили своихъ паровозовъ высылать дальше, на примѣръ въ Стрый или Сколье, ибо опасались, что поляки могутъ ихъ захватить. У насъ нашихъ собственныхъ паровозовъ было только два, одинъ большой, а одинъ маленькій, который не былъ въ состояніи много вагоновъ вытянуть. Но все таки, наши желѣзно-дорожные служащіе, всесильно работали и цѣлую массу вагоновъ, цистернъ доставили въ Лавочное, а откуда чехословацкіе паровозы забирали все на свою карпато-русскую территорію. Такимъ образомъ мы, а главнымъ образомъ желѣзно-дорожные служащіе, очень много сдѣлали для того, чтобы врагъ не захватилъ такъ многоцѣнное имущество, какимъ являются вагоны, цистерны и вообще желѣзно-дорожный матеріалъ.

Нужно на томъ мѣстѣ подчеркнуть, что „украинскіе“ офицеры въ это опасное время наступленія поляковъ потеряли головы, трусили и прямо измѣнили народу. Это имъ, такъ сказать, привычно повсюду измѣнять. Большинство тѣхъ „героевъ“ бросило мѣсто службы и поспѣшили сохранить свою жизнь бѣгствомъ на Карпатскую Русь, гдѣ сейчасъ были чехословаками розоружены и отправлены по лагерямъ.

На мѣстѣ остались только рядовые солдаты, наши мужички, да желѣзно-дорожная служба. Пановъ офицеровъ не было — удрали постыдно всѣ, но это тоже на славу неньки Украины. Понятно, что наше положеніе, — особенно желѣзно-дорожныхъ служащихъ было очень критическое. Военная команда постыдно удрала, а мы, не солдаты, защищаемъ державное, народное имущество и выхватываемъ его поскорѣй передъ хищными врагами, которые, если захватятъ насъ живыми, обязательно вышлютъ на лоно Авраама, непременно не обошлось бы безъ висѣлицъ.

Полякамъ удалось захватить уже нѣкоторыя телеграфическія и телефоническія станціи, они уже могли слышать всѣ наши разговоры и читать всѣ наши телеграммы-приказы. Доказательство того имѣли мы въ томъ, что уже поляки по телефону звали: „гальо, гальо, Украина! Гдѣ ты?“ и проч. „интеллигентные“ словечка, которыхъ ради цензурности не могу здѣсь привести. Но, какъ говоритъ народная поговорка, „якое фхало — такое и здыбало“ — поляки и украинцы на счетъ вульгарности выраженій не далеко отъ себя разбѣжались; что полякъ не продумаетъ мерзкое слово, украинецъ его перещеголяетъ и наоборотъ.

Быль, это уже чувствовалось, послѣдній день... Поляки подступали, и некому было отражать ихъ наступленія, ибо солдаты замѣтивъ, что ихъ „паничи“ офицеры удрали, сами не рѣшались больше отстаивать своихъ позицій, а предпочитали послѣдовать своимъ комендантамъ и удрать въ Карпатскую Русь. А кто опять быль дома по близости, бросалъ винтовку, или скрывалъ ее у себя дома, переодѣвался въ крестьянское платье и какъ будто ничего не бывало, сидѣлъ дома, ожидая прихода ненавистныхъ угнетателей, или скрывался по лѣсамъ.

Намъ стало жарко. Я все еще не рѣшался бросить мѣсто службы и все время продумывалъ, — какимъ бы то образомъ задержать польское наступленіе по крайней мѣрѣ на два, три дня, пока будемъ съ цѣлой эвакуаціей готовы. И пришла въ голову хорошая мысль. Слухъ о приходѣ братскихъ чехо-словаковъ не прекращался. Навѣрно, я заключалъ, эти слухи добрались и къ полякамъ. Я немного подумалъ и рѣшился. Утромъ далъ циркулярную телеграмму изъ Лавочнаго въ Стрый (Но Стрый въ это время, кажется, былъ уже въ рукахъ наѣздниковъ) извѣщающую, что сегодня пойдутъ на линіи Лавочное — Стрый пять экстренныхъ военныхъ поѣздовъ. Понятно, эта телеграмма взволновала такъ нашихъ какъ и враговъ. Наши — здѣсь я говорю о желѣзнодорожныхъ служащихъ, а не объ „украинской арміи“, которая уже давно удрала, — надѣялись, что ихъ съ ихъ семьями спасутъ, они смогутъ выѣхать въ Карпатскую Русь, подъ охрану Чехо-словацкой республики. Поляки же немного задержались... да вотъ вдругъ, если дѣйствительно Чехо-словаки идутъ съ помощной рукой Галицкой Руси... Пять военныхъ поѣздовъ, вѣдь это не шутка для деморализованныхъ польскихъ легіонеровъ! Эта неизвѣстность наступающихъ насильниковъ давила и они призадумались, ихъ наступленіе стало болѣе медленнымъ. Послѣ обѣда, когда изъ цѣлой линіи стали беспокоится и спрашивать за военными поѣздами, которые согласно расписанію должны были давнымъ давномъ выѣхать изъ Лавочнаго — далъ я на линію „отвѣтъ“ — сообщеніе, что поѣзда раньше авизированные не пойдутъ, а часнымъ образомъ сообщилъ, что чешское войско въ Лавочное дѣйствительно пришло, здѣсь остановилось временнымъ лагеремъ, готовить себѣ кушаніе и проч. проч., но

трудно сказать, поѣдетъ ли дальше по желѣзной дорогѣ или пойдетъ пѣшкомъ. Это мнѣ удалось. Тѣми то слухами навѣрно задержались поляки по крайней мѣрѣ три, четыре дня и не рѣшались окончательно нагрянуть на наши Верховинскіе горы Карпаты.

Большую часть имущества, вагоновъ, цистернъ и проч. удалось намъ выслать въ Карпатскую Русь. Остало еще вывести послѣднихъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ и ихъ семьи, чтобы не попали въ руки хищныхъ „галлерчиковъ“. Я отправилъ паровозъ съ однимъ пассажирскимъ возомъ, въ которомъ, какъ эскорта, выѣхало около десять рядовыхъ солдатъ, самыхъ нашихъ горскихъ жильцовъ, для эвентуальной защиты. На сосѣдней станціи Славское былъ на службѣ мой товарищъ по службѣ, желѣзно-дорожный чиновникъ Микита, котораго я зналъ только по телефону, но если онъ со мной говорилъ, его голосъ я всегда узнавалъ.

Ожидаю я и ожидаю возвратнаго извѣщенія отъ Микиты, что мой паровозъ уже въ Славскѣ, но все напрасно. Прошло уже столько времени, что паровозъ могъ быть тамъ и обратно, а о немъ ни слыху ни дыху. Я серьезно забеспокоился. Навѣрно поляки высланный мною паровозъ уже захватили. Телеграфа уже не было — тотъ мы уже отправили въ болѣе безопасное мѣсто, по ту сторону русскихъ Карпатъ. Я подошелъ къ телефону и зову станцію Славское. Кто то говорить? но слышу — по польски. Я понялъ все. Не хотѣлъ съ неизвѣстнымъ типомъ разговаривать и потребовалъ, чтобы къ телефону былъ вызванъ Микита, котораго голосъ былъ мнѣ хорошо знакомъ.

Дѣйствительно, Микита сталъ со мной говорить. Я спрашиваю: „Гдѣ паровозъ?“ Онъ отвѣчаетъ: „Его еще здѣсь нѣтъ“. Я удивляюсь и заявляю: „Это не-

возможно!“ Микита сказалъ мнѣ еще разъ, что: „Паровоза здѣсь нѣтъ, а больше не могу говорить...“ Я понялъ, все было ясно. Поляки уже въ Славскѣ и нашъ паровозъ попалъ въ ихъ грабительскія руки.

Мы немедленно приготовились бѣжать. Паровозъ попалъ въ плѣнъ, значитъ нужно пѣшкомъ черезъ Бескиды удирать въ братскую Карпатскую Русь. Потушили свѣтъ, — это было ночью — и ждемъ. Захотѣлось въ глаза посмотреть польскому броневикъ.

Тиха, темная майская ночь... Тихо и не слышно ничего, только громкое бѣненіе въ груди. Вдругъ отъ стороны Славска что то: „гггрммъ... гггрммъ... гггрммъ...“ навѣрно польскій броневикъ... Но, пождемъ, увидимъ! Вдругъ всѣ мы громко расхохотались. Это не былъ броневикъ, а наши солдатскіе повары везли на маленькомъ возѣ свои большіе котлы, чтобы было въ чемъ варить „менажу“ въ неизвѣстной странѣ... Мы рѣшили дальше ожидать, чтобы узнать судьбу нашего паровоза... И ждемъ. Черезъ нѣсколько минутъ опять со стороны Славска похожее: „гггримъ... гггримъ... гггримъ...“ Волоса всѣмъ наѣжились... Нашъ ли паровозъ удралъ изъ польскихъ лапъ, или польскій броневикъ несетъ неволю на свободныя Карпатскія горы...

Дождались. Паровозъ докатился... полуголосами договорились, на польскаго броневика не ждали, садились въ возъ и медленно, медленно, потихоньку, дальше въ путь, на ту сторону Карпатъ. Не пора была на разговоры... врагъ на нашихъ стопахъ... поговоримъ тамъ, гдѣ вражеская нога не посмѣетъ стать...

Потихоньку переѣхали большой вѣядуктъ, длинный туннель и свѣтъ майскаго солнышка увидѣли въ Воловцѣ, на землѣ князя Корятовича, на Карпатской Руси. Всѣ отдохнули свободнѣе.

Тамъ и разговорились на счетъ судьбы нашего паровоза. Паровозъ дѣйствительно доѣхалъ до станціи Славское, но тамъ были уже поляки и набросились на паровозъ и ѣхавшихъ солдатъ съ винтовками, подъ паровозъ одновременно бросая деревянные колоды, чтобы тотъ не могъ ни въ задъ ни впередъ. Но наши соколики не потеряли духа... Послѣдовала здоровая перестрѣлка... Въ одного изъ нашихъ парней попала вражья пуля еще пока успѣлъ выйти изъ воза... а на станціи осталось пять или семь ляшкочъ, юной жизнью заплатившихъ за свое нахальство, что посмѣли насильствіемъ поработать землю русскую, землю князя Льва и Данила... Галицкую Русь...

На слѣдующій день всѣ желѣзно-дорожные служащіе и чиновники, и всѣ вмѣстѣ сбѣжавшіе солдаты хоронили молодого солдата-верховинца, жертву польскаго насильственнаго наѣзда... и молодой парень въ братской землѣ Карпатской Руси, подъ пѣніе „Вѣчная память...!“ уснулъ тихимъ, вѣчнымъ сномъ. Легкая земля Тебѣ, безъ именныи борецъ, жертва плохо понятой идеи „самоопредѣленія народовъ“.

Солдатъ тотчасъ чехословацкіе власти разоружили и отправила куда то въ лагерь, а насъ желѣзнодорожниковъ доставили въ городъ Мукачево, гдѣ мы продолжительное время жили на станціи въ своихъ собственныхъ, съ собой передъ врагомъ захваченныхъ вагонахъ, и то такъ долго, пока не пристроились, кто на такой же службѣ на чехословацкой желѣзной дорогѣ, кто на другомъ мѣстѣ.

* * *

Тѣмъ я кончаю свои маленькія воспоминанія, маленькій разказъ „Подъ желто-блакитнымъ знаменемъ“. Имъ хотѣлъ я показать только нѣсколько картинъ, историческихъ, автентичныхъ, чтобы дока-

зять, что „Украина“ среди галицко-русского населенія не пользуется симпатіями и народъ прямо ненавидитъ ее и не признаетъ своей родной, а самозванные „паны“ и „паничи“ нанесли нашей русской землѣ только вредъ, ибо такіе беззаконія, какія творились на „Западной Украинѣ“ молокососами, которые отреклись славнаго русскаго имени и запоморочились „самостійническимъ самодуромъ“ никакъ не могли снискать себѣ въ народѣ симпатій и довѣрія.

Считаю нужнымъ, наконецъ, добавить, что господствованіе „Западной Украины“ на земляхъ Галицкой Руси во многомъ открыло глаза народа, который во время всемірной войны терроромъ, насиліемъ, произволомъ, разстрѣлами, висѣлищами и всѣмъ что вздумалось мучителями, нѣмцами-венгерцами-поляками-псеудо украинцами-мазепинцами былъ принужденъ отказаться отъ дорогого и святого имени „Русь“ и принять чуждое ему и его сердцу и душѣ названіе „Украина“ на земляхъ Галицкой Руси, особенно въ нашихъ Карпатахъ, на Бойковщинѣ и на Лемковщинѣ — это только насиліе и всеобщій обранъ!

Но это пройдетъ какъ сонъ лихой... Встанетъ Русь могущая, ибо недалеко время, когда объединятся всѣ русскія племена въ одинъ величественный и могущій едино-культурный, русскій народъ!

Ужгородъ, 1924—1925 годъ.
Карпатская Русь.

Глѣбъ Соколовичъ.

Эта книга

ГЛѢБА СОКОЛОВИЧА

ПОДЪ
ЖЕЛТО-БЛАКИТНЫМЪ
ЗНАМЕНЕМЪ.

Историч. картины изъ временъ
существованія такъ зв. „Западно-
украинской республики“,

имѣется на складѣ:

въ Типографіи

Георгія Миравчика,

въ Ужгородѣ, Раковція ул. н-ръ: 7.

гдѣ можно всегда заказать наложеннымъ
платежемъ.

Того-же автора, раньше издана въ Львовѣ книга:

КРОВАВЫЕ ГОДЫ.

Картины ужаса, насилія и произвола австро-
венгерской арміи надъ русскимъ народомъ При-
карпатя въ 1914—1917 г. г. занимающая 96
страницъ печати — за цѣну 5.— Кч.

Можно получить въ книжныхъ магазинахъ.

1189
1189 (1986)
5098 *Р 1*

~~7541~~

ГЛЪБЪ СОКОЛОВИЧЪ.

ПОДЪ
„ЖЕЛТО-БЛАКИТНЫМЪ“
ЗНАМЕНЕМЪ.

Историч. картины изъ временъ
существованія такъ зв. „Западно-
украинской Народной Республики“.

Ужгородъ 1926.

Изданіе : Автора.

Типографія Г. Миравчикъ, Раковця ул. № 7.

ЗУНР